

Это была КАЗНЬ

В ночь с 25 на 26 января в Грозном расстреляны десятки людей.
Тайно, без предъявления обвинений.
Публикуем имена 27 погибших.
Список — неполный

Луганск, 7 июля.
От автомобиля,
в котором была
заложена бомба,
мало что осталось

РИА Новости

МИНА ПОД «МИНСКОМ»

В Луганске — два взрыва, есть погибшие и раненые. Вероятно, сработала противопехотная мина

Днем в пятницу, 7 июля в центре Луганска с интервалом в час прогремели два мощных взрыва. По данным, которые приводят как власти самопровозглашенной республики, так и украинские силовики, один человек погиб и более пяти получили ранения. На этом совпадении в оценках заканчиваются. По версии силовых структур «ЛНР», квалифицировавших произошедшее как теракт, взрывы организовала украинская диверсионно-разведывательная группа. Представители украинской стороны в Совместном центре по контролю и координации (официальная структура, созданная в рамках Минских соглашений для контроля по их соблюдению), в свою очередь, заявили, что теракты были осуществлены «боевиками» и направлены против мирного населения, да еще и накануне важных внешнеполитических событий (очевидно, речь идет о двух саммитах с участием президента США Дональда Трампа — в Варшаве и в Минске). Наблюдатели специальной мониторинговой миссии (СММ) ОБСЕ зафиксировали факты взрывов, но пока воздержались от дополнительных оценок.

Известно, что погибшей оказалась военнослужащая — капитан «Народной милиции ЛНР». По нашим данным, в результате первого взрыва погибла также продавщица магазина, рядом с которым было заложено взрывное устройство, официальные источники об этом молчат. Представители МГБ на брифинге заявили, что оба взрывных устройства представляли собой фугас с механическим взрывателем и заметно отличались по мощности — в первом случае полтора-два килограмма в тротиловом эквиваленте, во втором — 5–7 килограммов. Это согласуется с показаниями очевидцев, утверждающих, что второй «хлопок» был сильнее первого. Его было хорошо слышно даже на окраинах города.

По данным источников «Новой газеты», во втором случае могла сработать мина МОН-50. Это армейская противопехотная мина, которая может приводиться в действие дистанционно. Она начинена убийственными элементами с дальностью поражения до 50 метров.

Мина была заложена в легковой автомобиль VAZ-2109 и сработала в тот момент, когда мимо проезжал «Урал» с военными. Тяжелый грузовик принял взрывную волну и поражающие элементы на себя, поэтому пострадавших среди гражданских не было. О раненых среди военных также не сообщается, но они, по данным «Новой», есть.

Мина МОН-50 активно применялась во всех вооруженных конфликтах на территории бывшего СССР, в том числе и обеими сторонами противостояния на Донбассе. Причем этот боеприпас мог использоваться и при уничтожении ряда полевых командиров самопровозглашенных республик.

Однако наши источники отвергают версию о том, что взрывы в Луганске могли быть результатом внутренних разборок. Процесс «зачистки» был завершен давно, причем в «ЛНР» раньше, чем в «ДНР». В то же время диверсионно-разведывательные группы ВСУ действуют на луганском направлении активно. В частности, как подробно рассказывала «Новая газета» в № 69, 24 июня в результате боестолкновения в районе населенного пункта Знаменка (Луганская область) был уничтожен опорно-наблюдательный пункт, двое военнослужащих убиты, еще четверо, включая гражданина России Виктора Агеева, взяты в плен.

Однако все подобные инциденты происходили в районе линии разграничения, в самом Луганске ничего подобного не было как минимум со времен заключения Минских соглашений. В то же время и представители украинской стороны, и наши источники в Луганске предполагают, что взрывы могут продолжиться. По некоторым данным, 7 июля было обезврежено третье взрывное устройство, однако официального подтверждения этой информации у нас нет.

В любом случае, взрывы в Луганске дополнительно осложняют работу по реализации Минских договоренностей, которая и без того зашла в тупик.

Юлия ПОЛУХИНА,
спец. корр. «Новой»
Луганск

ЗАКУЛИСЬЕ

«Нуреева» закрывали

Большой театр завершает сезон не самой ожидаемой премьерой, а беспрецедентным скандалом

На 11 июля была назначена премьера балета Ильи Демуцкого «Нуреев», автором либретто, режиссером и сценографом которого выступал Кирилл Серебренников, хореографом-постановщиком — Юрий Посохов. Спектакль, где были задействованы лучшие силы балетной труппы, солисты оперы и артисты МХТ имени Чехова, был обречен стать главным событием театрального сезона.

Во-первых, этот спектакль создавался той же постановочной командой, что и феноменальный «Герой нашего времени». Во-вторых, Большой театр впервые собирался представить на своей Исторической сцене современный мультижанровый спектакль. Но, похоже, фигура Кирилла Серебренникова стала для «Нуреева» приговором.

На данный момент официальный сайт Большого театра бесстрастно сообщает: «ВНИМАНИЮ ЗРИТЕЛЕЙ! Вместо объявленной ранее премьеры балета «Нуреев» 11, 12, 13 и 14 июля на Исторической сцене Большого театра будет показан балет «Дон Кихот». БИЛЕТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ!».

В полдень субботы артисты, пришедшие в театр на запланированную репетицию, попали на общее собрание, на котором, по свидетельству присутствующих, народа было больше, чем на «Иудов день» (так в театрах между собой называют сбор труппы, традиционно предшествующий началу нового театрального сезона).

Говорил гендиректор Большого Владимир Урин. Официальная причина отмены спектакля, озвученная на собрании, — его неготовность из-за нехватки репетиций. Особенно отстают кордебалет. И дескать, выпускать премьеру в таком виде — только позориться. В итоге всем участникам постановки было обещано, что «не пропадет их скорбный труд» — премьеру «Нуреева» не отменяют, а лишь переносят на сезон 2018/2019.

Да, не секрет, что в ГАБТе скверное планирование — и долгосрочное, и краткосрочное. Постоянно приходится в пожарном порядке искать то одного, то другого солиста для спектаклей текущего репертуара. И с репетиционным расписанием то и дело происходят накладки. Вот и сейчас балетная труппа только вернулась из Японии, так что с полным погружением работала над «Нуреевым» лишь две недели.

Но все солисты в один голос утверждают, что спектакль готов даже в большей степени, чем некоторые премьеры которых в этом сезоне состоялись без сбоев. А один солист и вовсе грустно пошутил: «Было бы желание — за три дня репетиций можно и совсем новый спектакль сделать...»

Одним словом, все артисты в шоке. Они убеждены, что их лишили на редкость успешной работы. Обычно саркастично настроенные, они комплиментарно отзываются о партитуре Ильи Демуцкого и восторженно — о работе Кирилла Серебренникова и Юрия Посохова. Рассказывают, что они очень корректно отразили те моменты биографии великого танцовщика, что требуют повышенной толерантности и что в спектакле масса интереснейших художественных решений.

Юрий Посохов не скрывает, что не верит в реальность отложенной премьеры. Очень расстроенный Кирилл, хоть и понимает, по каким причинам на самом деле дезавуировали премьеру, уходит от разговоров о судьбе спектакля и просит придерживаться «линии партии и правительства».

« В СССР запрещали билеты Григоровича и Таривердиева — но не за три дня до премьеры »

Конечно, это не первый случай в 241-летней истории Большого, когда практически готовую премьеру отменяют. В XX веке это случалось раза три. В 30-х годах запретили «Болт» Шостаковича, в 1969 году Фурцева «закрывает» «Лебединое озеро» в постановке Григоровича: товарищу министру сильно не понравился трагический финал балета. А в 70-х годах аннулировали по решению худсовета премьеру балета Микаэла Таривердиева «Девушка и смерть». Но даже в тоталитарном Советском Союзе подобное не происходило за три дня до премьеры.

Это грандиозный удар по репутации Большого театра. На премьеру уже приглашены директора всех ведущих театров и агентур, критики, почетные гости со всего мира.

В понедельник, 10 июля, на специально созываемом брифинге Владимир Урин, публично поддержавший Серебренникова, попытается объяснить. Наверняка, будет убеждать всех в том, что премьера обязательно состоится. И что ничего страшного не произошло.

Мария БАБАЛОВА — специально для «Новой»

«Большой субботник» — двухдневная акция сторонников Алексея Навального, запланированная на ближайшие выходные после освобождения политика из спецприемника, где он провел 25 суток после акции 12 июня. План был такой: волонтеры с красными кубами, огромными шарами и листовками стоят у каждой станции метро в столице. Акция была запланирована как федеральная — в других городах активисты тоже выходили на улицы. К шести часам вечера в Москве — более тридцати задержанных. Есть задержанные и в Петербурге, Тюмени, Калининграде, подмосковном Зеленограде и других городах. Кубов поставить не дали, шары появлялись на поверхности всего на пару минут, а листовок удалось раздать совсем немного. Сразу после сбора активистов в намеченных местах их задерживала полиция. Корреспондент «Новой» была свидетелем одного из задержаний в Москве и поговорила с остальными волонтерами.

Красные шары стали «черной меткой», предопределявшей задержание

Не выходи из метро

В два часа дня (время начала агитации) на Манежной площади под крышей отеля Four Seasons прячутся одинокие фотографы, полицейские и даже омонувцы. Стараются не выпускать друг друга из виду — они здесь в поисках одних и тех же людей. У каждого выхода из ближайших метро — по автозаку. Непонятно, где именно и как искать агитаторов — те, похоже, тоже делают ставку на внезапность. Вот у «Площади Революции» стоит группа людей, но это туристы. Вот девушка раздает листовки — реклама лапшичной.

Только через полчаса из торгового центра «Охотный Ряд» выходят ребята с двумя красными шарами. Оля, девочка с розовыми волосами, и Дания, парень со значком «Протестная Москва». Каждому — по 20 лет, записались в волонтеры Навального совсем недавно. Перед тем как отправиться на пикет к Госдуме, они заходили в «Макдоналдс». Шары довели прямо с Садовнической, из штаба.

— В метро мы сталкивались с полицейскими, но все нормально реагировали на шары, — рассказывает Оля. — Сейчас думаем пойти к переходу, а потом к Госдуме. Будем раздавать листовки, рассказывать прохожим про кампанию Навального, отвечать на их вопросы.

Полицейские сразу же устремляются к ним — настойчиво «помогают» сесть в машину для проверки документов. Шары тоже заталкивают в салон.

Активистов Навального задержали в Москве сразу после их появления на поверхности

Можно раздавать листовки с рекламой лапши, а не с призывом снять ее с ушей

Глава московского штаба Николай Ляскин рассказал «Новой», что сотрудники правоохранительных органов «оперативно реагируют» на красные шарики, практически никто из волонтеров не успевает начать агитировать после выхода из метро.

Мы поговорили с некоторыми задержанными волонтерами:

Августа, 19 лет:

— Меня задержали на «Новокузнецкой». Я шла от штаба с шаром, чтобы поехать раздавать листовки к назначенной мне станции. Должна была встретиться на улице с другом. В какой-то момент я почувствовала, что меня просто схватили сзади и заломали руки. Это был ОМОН, они не представились, не попросили документы даже. Просто посадили вместе с шаром в автозак. Я в нем полтора часа просидела. Привезли в ОВД Замоскворечье — тут я уже три часа сижу. Мне ничего не говорят, ни по какой статье обвиняют, вообще ничего.

Ярослав, 18 лет:

— Мы с товарищем приехали на станцию метро «Спортивная». Успели только сфотографировать себя на память с шаром. Мы даже листовки не успели начать раздавать, минут 5 постояли. Потом к нам полицейские подошли, мы у них попросили документы, по нашему законному праву. Они показали и посадили в машину. С шаром мы ехали от метро «Таганская» сюда, на нас обращала внимание и полиция в метро, но ничего не говорили, не останавливали. Сейчас сидим в ОВД «Хамовники», не знаем, что нам вменяют. Надеемся, уйти только с объяснительной.

Григорий, 20 лет:

— Я стоял на Тверской, просто общался с людьми, раздавал листовки. Ко мне подошли полицейские, попросили документы. Я им предоставил ксерокопию, потом они досмотрели мою сумку и посадили в автозак. Сейчас я в ОВД «Тверское». Мне вменяют 20-ю статью — незаконное шествие и пикетирование. Я сказал, что буду общаться с ними только в присутствии своего юриста.

Сергей, 18 лет:

— Нас было пятеро, волонтеров. Мы вышли с «Боровицкой» и пошли по Моховой к «Библиотеке». Ничего не успели раздать. Все листовки с нами остались. Так как был в руках красный шар — сразу же задержали. Документы попросили и сказали: «Вы задержаны», посадили в машину. Привезли в ОВД «Хамовники», составили протокол. Не знаю, что дальше делать будут.

Татьяна ВАСИЛЬЧУК, «Новая»
Фото Влада ДОКШИНА, «Новая»

« Фотографы, полицейские и даже омонувцы стараются не выпускать друг друга из виду — они здесь в поисках одних и тех же людей »

Монолог Антона Грачева, заявителя акции
в поддержку Алексея Навального в Гатчине
(Ленинградская область)

«Они схватили лопаты и набросились на нас. А потом пришли в больницу»

Мы заранее согласовали акцию на 8 человек с установкой агитационного куба Навального в центре Гатчины. Когда мы приехали на место, указанное в заявке, на площадке стоял трактор городской службы ЖКХ. Коммунальщики, которые там «работали», сказали: ребят, лучше уходите, нам здесь сегодня убираться надо. Нас сразу смутил тот момент, что на площади не было ни одного сотрудника полиции. Обычно на наших мероприятиях всегда присутствуют стражи порядка.

Когда мы стали устанавливать куб, рядом с нами, на пешеходном переходе, остановилась машина типа «Газель» с открытым кузовом. Из нее вышли двое спортивного телосложения, подошли к баннеру, который мы еще не успели закрепить на куб, и захватили его. Мы сделали им замечание, после чего попытались забрать баннер. Тогда они взяли за лопаты коммунальщиков и набросились на нас.

Моему отцу досталось по голове и по ноге, от удара свело мышцу. Не знаю, кем

надо быть, чтобы с лопатой напасть на седого человека, которому больше 60 лет.

Еще один участник акции, Дмитрий Яковлев, от лопаты увернулся, но все равно заработал фингал.

После драки молодые люди закинули наш баннер в машину с номерами 178-го региона (*Санкт-Петербург. — Ред.*) и скрылись.

Мы вызвали скорую, моего отца и Дмитрия доставили в больницу. Нас всех осмотрели, выдали справки. Дмитрию сделали МРТ, у него повреждены мягкие ткани лица, синяки, гематомы, но сотрясения мозга не обнаружили. Говорит, чувствует себя неплохо, только тошнит и болит голова.

Больше досталось моему отцу — он не может опираться на больную ногу, по которой ему попали лопатой, скачет на одной. Сделали рентген, но ничего, что бы могло указывать на повреждение твердых тканей, не нашли. А на голове у бати шишка, думаю, ему тоже МРТ нужно сделать. Он сейчас дома, не может пока ходить.

Полиция на акции в поддержку Навального появилась только после нападения неизвестных

vk.com/dimon_gtr

Самое нелепое — что эти хулиганы тоже пришли в больницу, где нас осматривали (у нас одна больница во всей Гатчине). Нападавшие зашли в приемный покой и пересеклись с моим отцом и Дмитрием. Они спросили бату: «Добились вы чего хотели?»

Дмитрий опознал одного из нападавших, говорит, что это местный тренер в одном из спортивных клубов: «Арена»

«Этим упитанным ребятам либо денег предложили, либо уговорили их»

или «Фитнес хаус», они довольно типично выглядят.

В больнице работают камеры видеонаблюдения, так что мы сможем их обнаружить.

Я думаю, если бы это были люди с криминальным прошлым, они бы не пошли здесь в ту же больницу, а поехали в другой город. Этим упитанным ребятам либо денег предложили, либо уговорили их на каких-то условиях.

Сейчас мы пишем заявление в отделение полиции, попросим проверить все съемки с видеокamer в больнице и больничные карточки, если нападавшие успели обратиться к врачам. Но еще важнее узнать, кто заказал нападение, поскольку по этим ребятам не скажешь, что они сами могли додуматься.

В заявлении мы указали: «Просим найти нападавших и заказчика нападения».

Андрей ДУБРОВСКИЙ, «Новая»

В больничной палате

Монолог Александра Туровского, жестоко избитого
полицией в штабе Навального (Москва)

«Я только успел сказать: здрассте... И получил в лицо»

В ночь с 5-го на 6-е я оставался на ночь дежурным, чтобы к нам не залезли. Мы не можем закрыть штаб, потому что нам спилили замки. Пришлось установить щеколды, и кто-то каждый вечер должен закрывать штаб изнутри. С утра меня должны были сменить.

Я прилег поспать и в шесть утра проснулся оттого, что по штабу кто-то бежит. Встал, включил быстро камеру, потому что понял, что это были посторонние люди. Они осматривали большой зал, но, видимо, тоже меня услышали, и через несколько секунд забежали в комнату и оглушили меня.

Я только успел сказать: здрасте, а что вы делаете? И в этот момент получил в лицо, сразу, без каких-либо требований или объяснений.

Ударили по рукам, по телефону, повалили на матрас и дальше просто били. Все это, насколько я понимаю, попало на их оперативную съемку.

Меня сейчас обвиняют в том, что я якобы мешал проведению мероприятий, не помогал сотрудникам полиции и не показывал паспорт (в рапорте полицейского было указано, что против Туровского «применили приемы боевого самбо», после того

как он отказался выполнить законное требование сотрудника полиции и показать паспорт. — Ред.).

Про мои документы вспомнили, когда я уже сидел в автозаке с полицейскими. Только тогда ко мне подошел омоновец и спросил: «Где твой паспорт?» Я ему говорю, что на стуле в штабе лежит мой рюкзак и там все мои вещи. Только потом они его принесли. Все это время пытались узнать пароль от телефона, я не сказал.

Потом я сидел в автозаке напротив штаба и смотрел, как из него выносят все, что там было: технику, агитматериалы. У них все для этого уже было подготовлено.

«Полицейские сидели ночью в моей палате и смотрели на меня»

Снова спилили замки, поставили решетки на окнах и повезли меня в ОВД.

В 7 утра меня посадили в «клетку», закрыли и собрали консилиум из сотрудников дежурной части и омоновцев, которые участвовали в задержании. Взяли КоАП, начали что-то мастерить, придумывать обвинения.

Сидели, писали долго. В итоге составили по ст. 19.3. Все это полная чушь. Думаю, им просто нужно было подержать меня в камере, чтобы я никому не позвонил и не рассказал, что происходит в штабе.

Около двух часов дня меня отпустили из ОВД. До этого на мои просьбы предоставить хоть один звонок никто не реагировал, не давали ни еды, ни воды. Пока меня под пешим конвоем вели в суд, я почувствовал, что мне нехорошо. В суде понял, что меня меня уже реально колбасит: тремор рук, тошнит, шум в ушах.

Вызвали скорую, повезли в «Склиф». Поставили диагноз: закрытая черепно-мозговая травма и сотрясение мозга. Там тоже происходили непонятные для меня вещи: сотрудники НИИ Склифософского, когда узнали, что меня привезли из штаба Навального, проявляли ко мне дикое неуважение, звучали какие-то обвинения и оскорбления.

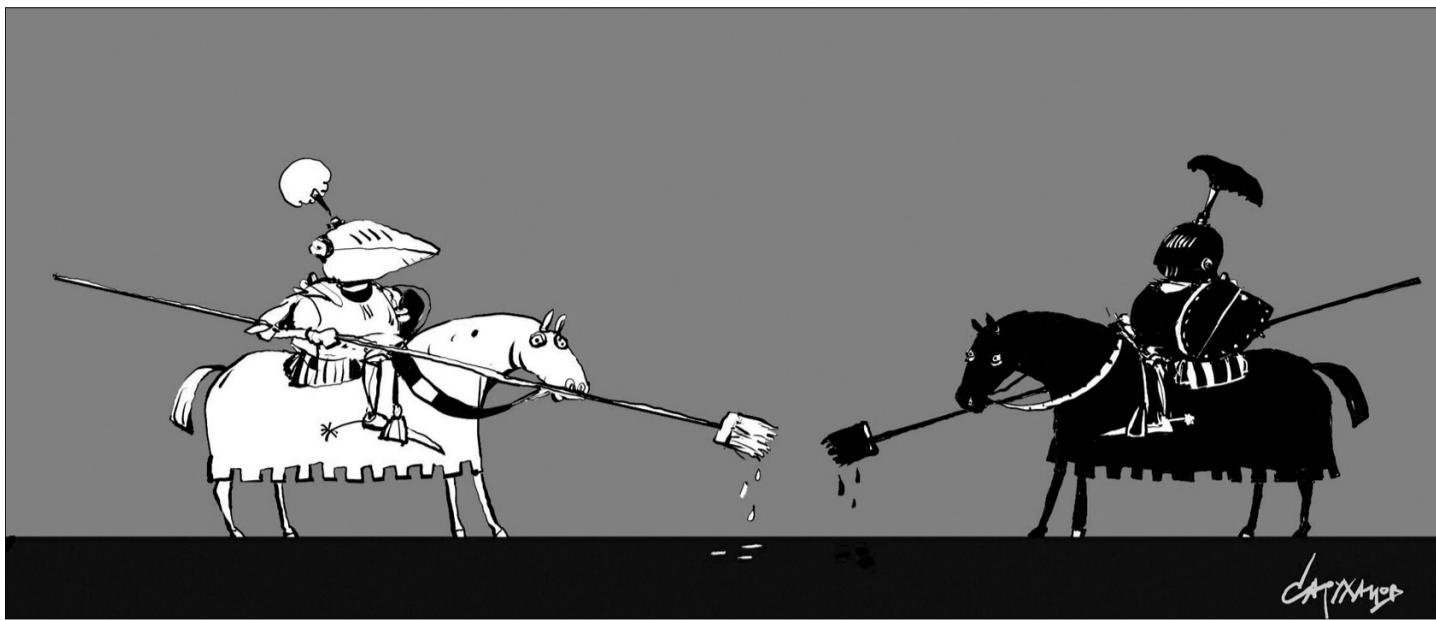
Полицейские, которые меня конвоировали, сидели ночью в моей палате и смотрели на меня. Потом, после нескольких просьб, вышли, и мне удалось поспать часов пять.

Сейчас я уже снова в ОВД, сижу тут и справляюсь с жуткой тошнотой. Еще рано утром в больнице мне сказали одеваться и уходить. Сегодня меня, возможно, еще ждет суд. Хотелось бы, чтобы все обошлось.

Юлия МИНЕЕВА, «Новая»

P.S. Замоскворецкий суд Москвы оштрафовал сотрудника московского штаба Навального Александра Туровского на 500 рублей. Его признали виновным в неповиновении законным требованиям сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ).

«Мы остались недовольны и будем обжаловать решение, а также подавать жалобу в Европейский суд по правам человека», — рассказал «Новой газете» сотрудник московского штаба Виталий Серуканов.

Либеральные котики и the real thing

26 марта и 12 июня Навальный, считайте, выиграл праймериз на руководство оппозицией. И при чем тут вождизм?

Юлия
ЛАТЫНИНА
обозреватель
«Новой»

В то самое время, когда по всей стране начали громить штабы Навального, целая группа заслуженных политиков и экспертов решила, что сейчас самое время выступить с его вдумчивой критикой.

Владислав Иноземцев торжественно объяснил нам, что поддержка Навального «контрпродуктивна», что он популист, манипулирующий народом на эмоциональном уровне и — подумать, какой срам! — подменяющий какими-то там расследованиями серьезную программу. России нужен «мягкий политик с глубокой приверженностью демократии и европейским ценностям — человек типа Горбачева или Гавела», — философствовал г-н Иноземцев в то самое время, когда омонувцы избивали дежурившего в штабе Туровского.

Свой вклад в критику Навального внес и неистовый Андрей Илларионов. «Борьба с коррупцией — это не лозунг, с помощью которого можно победить режим, — объяснил он нам. — Замена одного авторитарного лидера на другого — это не то, что нужно современной России».

Но с самым выстраданным текстом выступил Илья Пономарев. Он обвинил Навального в том, что тот не поддерживает других оппозиционных политиков, (т. е. самого Пономарева), и на этом веском основании заключил, что все расследования Навального — не больше, чем слив и борьба башен Кремля, предпринятые провластными политтехнологами с глобальной целью заработать на «трудных» выборах.

В переводе: если ты, Навальный, срочно не вступишь в коалицию со всеми либеральными лузерами, которые за эти годы не могли организовать никакой сколько-нибудь серьезный протест, мы ославим тебя как мурзилку.

Пономарев и К. просто — точно так же, как и Кремль, — топят конкурента. В их текстах звучит нешуточная обида

российских Сальери на политика, который смог там, где они не смогли.

Что тут сказать? Так уж получилось, что та пара сотен тысяч человек, которые вышли 12 июня на площади в сотне с лишним городов России, появились на улицах по призыву Навального, а не по призыву Пономарева, Илларионова, Иноземцева, Касьянова и т. д.

Г-н Пономарев совершенно искренне сетует на то, что нехороший Навальный почему-то не делится митингующими — то есть не финансирует накопленным им человеческим капиталом своих обанкротившихся предшественников, — но он почему-то забывает спросить самое человеческое — то есть нас, — а хотим ли мы, чтобы Навальный оплачивал нами чужие провальные проекты. Потому что я, Юлия Латынина, с удовольствием пойду на митинг Навального. А на митинг, который созвал кто-нибудь другой, увидев, что на митинги Навального есть спрос, я не пойду.

Почему? Очень просто.

Люди хорошо понимают, что такое the real thing. Особенно четко это понимают школьники и студенты. Не потому, что они какие-то особенные, а просто потому, что в этом возрасте человек еще не связан обязательствами, связями, симпатиями, необходимостью платить в рассрочку за диван, — словом, всем тем, что так превосходно влияет на тонкие связи в мозгу умного человека и заставляет его с большой пронизательностью видеть на белом подозрительные серые пятна.

И когда студент видит тетку, которая, срывая от административного восторга голос, зачитывает ему список «врагов народа», он понимает, что это фейк.

И когда студент читает Иноземцева, который глубокомысленно рассуждает о «мягком политике с глубокой приверженностью демократии», он понимает, что и это фейк.

А когда он смотрит «Он вам не Димон», он понимает, что это — the real thing.

Можно спросить, зачем Навальному надо объединяться с Пономаревым? Это ровно наоборот — Пономареву надо прийти к Навальному и спросить, чем ему можно помочь. И никакого «вождизма» в этом нет. Ровно наоборот — это и есть демократия, не говоря уже о здравом смысле. В США, к примеру, внутри партии происходят праймериз. И когда кандидат выиграл праймериз, то все его конкуренты, которые забрасывали его до этого грязью, или отходят в сторону, или помогают выигравшему кандидату.

26 марта и 12 июня Навальный, считайте, выиграл праймериз на руководство оппозицией. Вы же не будете упрекать

« Они хотят ходить по воде, но на кресте висеть не хотят. И искренне думают точно так же, как российская пропаганда »

в «вождизме» олимпийского чемпиона, который отказался делиться золотой медалью с обладателем двадцатого места?

Мы — журналисты — умеем судить по гамбургскому счету. Так вот: мы прекрасно знаем, сколько месяцев Навальный и его команда собирали «Он вам не Димон». Какое количество не человеко-часов, а человеко-недель понадобилось, чтобы представить публике это расследование.

И мы все прекрасно знаем, что ни один из других «политиков» и «экспертов», которые были бы не прочь примерить на себя роль вершителей судеб новой России, не согласны затратить хотя бы десятую часть этих усилий на такое же расследование. Они лучше, лопааясь от зависти, напишут, как Пономарев, что «Димон» «не мог бы быть сделан без околоставных источников информации» и является частью «внутриэлитной, межклановой борьбы в верхах».

Они не согласны все ставить на карту. Они не хотят, чтобы их таскали по автозакам. А быть властителями дум хотят, — и, заходясь от зависти и рационализируя свою трусость, пытаются убедить не публику, а себя, почему нежелание получить зеленку в глаза есть мудрое выдержанное поведение политика, приверженного европейским ценностям.

Они хотят ходить по воде, но на кресте висеть не хотят. И искренне думают — точно так же, как российская пропаганда, — что словами можно все перевернуть наоборот. Люди готовы за ним идти? «Это вождизм». Он не боится рисковать? «У него нет программы». Его расследования служат базой для организации сторонников, вместо того чтобы сотрясать воздух? «Это популизм». Он представляет реальную опасность для Кремля? «Он легитимизирует режим». И вообще — такой же диктатор!

Это — безошибочная позиция. Она может быть приложена к любому начинанию. «Этот дурак затеял IT-стартап. Он что, думает, что создаст Google? Ха-ха, девяносто процентов, что он разорится». «Этот дурак затеял создать лекарство от рака. Спорим, он выкинет двадцать лет коту под хвост и ничего не сделает».

Да, 90 процентов стартапов уходят в песок, а половина свадеб кончается разводами. Но это не повод не творить и не жениться.

Лично для меня в России на сегодняшний день есть два политика, за которых я готова голосовать. Одного из них зовут Алексей Навальный. Другого — Евгений Ройзман.

Это абсолютно разные политики. У них разный менталитет, жизненный путь и манера поведения. Навальный ставит на карту все. Ройзман, наоборот, осторожен. Навальный — политик федерального масштаба. Ройзман пока, как известный былинный богатырь Святогор, чувствует себя лучше всего на родине — на Урале. Навальный сделал себя на борьбе с коррупцией. Ройзман — на борьбе с наркотиками.

У них только одно общее. Оба они — the real thing.

И знаете, что удивительно? От Евгения Ройзмана, который есть совершенно самостоятельный, сформировавшийся политик, я не слышала ни одного слова критики в адрес Навального. Потому что и он — the real thing.

А вот Пономарев, Иноземцев, Илларионов etc. — они, к сожалению, не

the real thing. Они очень хороши в старом добром европейском парламенте в качестве депутатов, плетущих мелкие интриги, которые все вместе и слагаются в сложную, постоянно ложную в частности и от этого истинную в целом динамическую машину представительного правления. Они будут очень хороши, когда им принесут демократию на блюде.

А пока омонувцы громят штабы Навального, лучше бы им критиковать омонувцев, чем Навального. Потому что они все равно не докажут рядовым пользователям, что Навальный — агент Кремля. А докажут только, что они — лузеры, рационализирующие свою зависть и трусость.

(Редакция может не разделять точку зрения обозревателя)

На протяжении многих лет «Новая газета» регулярно публиковала сведения о массовых расправах в Чечне. Мотивы, по которым преследовались жители республики, были самыми разными. В начале апреля «Новая газета» опубликовала факты, свидетельствующие о массовых преследованиях, пытках и убийствах жителей Чечни по мотиву их гомосексуальной ориентации. В связи с огромным международным давлением от правоохранительных органов России впервые (и то с трудом) удалось добиться проведения доследственной проверки по фактам внесудебных казней в Чечне. И это уже было невероятным достижением.

20 апреля мы передали следствию персональные данные двух человек, по сведениям газеты, убитых в ходе антигейской кампании в Чечне. С прояснения судьбы именно этих людей и началось наше журналистское расследование.

Все сведения об убитых по мере их поступления мы передавали следствию для проверки. Также мы передали в Следственный комитет России анонимные свидетельства выживших жертв, содержащихся в секретных тюрьмах и переживших ужасные пытки. Эти свидетельства позволяли следователям самостоятельно установить персональные данные жертв, что, по информации «Новой газеты», сделать удалось.

Заместитель руководителя управления ГСУ СК РФ по СКФО по расследованию особо важных дел Игорь Соболев, который проводил проверку, намеревался встретиться с жертвами и попытаться убедить их дать объяснения. Однако проверкой Игорь Соболев занимался всего две недели, а потом его совершенно неожиданно назначили на новую должность. И проверку поручили другому следователю. Именно после рокировки официальное расследование перестало быть активным и заняло предсказуемую позицию: раз жертвы преступления сами не обращаются с заявлениями, то и преступления не было.

Позиция Москальковой

Мы предполагали такой исход. Именно молчание живых жертв, до смерти запуганных неограниченными возможностями чеченских силовиков, — главный аргумент следствия в ответ на все обращения о нарушении прав человека в Чечне. Поэтому, кроме фамилий убитых геев, мы передали следствию список из 20 с лишним жителей Чечни, задержанных с конца декабря 2016 года и, по нашим данным, убитых в январе этого года. Эти люди были задержаны в ходе нескольких спецопераций, проведенных в Чечне после 17 декабря 2016 года.* Им не предъявлялось никаких официальных обвинений. В отношении этих людей, как, собственно, и в случае с геями, скорее всего, было принято решение о ликвидации. И приказ был приведен в исполнение.

Всё данные об, как мы полагаем, убитых жителях Чечни были переданы не только следствию, но и высокопоставленным чиновникам. В том числе уполномоченному по правам человека России Татьяне Москальковой. В своих обращениях мы особо оговаривали: вот — предположительно убитые по подозрению в гомосексуализме, вот — по совсем по другому

* 17 декабря группа молодых людей совершила нападение и убийство знакомого полицейского. Нападавшие угнали машину полицейского. В ходе погони они сбили на этой машине сотрудника ДПС. Все нападавшие были уничтожены, в том числе трое задержанных. Поданным ПЦ «Мемориал», они были расстреляны в больнице Грозного. После этого по всей Чечне начались массовые задержания, также были проведены две превентивно-показательные контртеррористические операции.

В ночь с 25 на 26 января в Грозном расстреляны десятки людей. Тайно, без предъявления обвинений. Публикуем имена 27 погибших. Список — неполный

Это была КАЗНЬ

мотиву. (Скорее всего, по подозрению в экстремизме, хотя утверждать это мы не можем — именно потому, что никаких официальных обвинений не предъявлялось и достаточных данных для предъявления обвинений у чеченской полиции также не было.) «Никто и ни при каких обстоятельствах не может быть подвергнут насилию, унижению и тем более лишению жизни», — публично заявила тогда Татьяна Москалькова и передала наше обращение в СКР для проверки.

6 июня стали известны предварительные результаты проверки, которую Следственный комитет России ведет уже более двух месяцев. Уполномоченный по правам человека России Татьяна Москалькова сообщила о реакции СКР на свой запрос: «Я получила такой ответ, который говорит, что ими не установлены факты, подтверждающие насильственные действия, в связи с тем, что у них отсутствуют конкретные данные по этим гражданам».

Татьяна Николаевна имела все основания поставить в этой истории жирную точку, как поступали до нее многие высокопоставленные чиновники. Но Москалькова в этой ситуации заняла принципиальную позицию. «Поскольку в моем запросе и в том письме, которое я переслала от «Новой газеты», содержатся фамилии людей якобы погибших, то проверка на этом не считается законченной, и я попрошу написать уточняющий ответ по тем фамилиям, которые перечислены в письме», — заявила Татьяна Москалькова.

В комментарии агентству ТАСС Татьяна Николаевна также сказала, что в списке, который ей передала «Новая газета», «указаны только фамилии, имена, больше данных нет». Москалькова выразила надежду, что «следственные органы смогут побеседовать с автором статьи, получить у него дополнительные данные о годе рождения, о месте захоронения, о родственниках, о бывшем месте проживания». Дело в том, что в ходе общения со следователем, проводящим проверку, мы передали более полные данные, позволяющие идентифицировать людей из списка и установить их судьбу. На тот момент мы располагали информацией о месте жительства этих людей и датами их рождения.

Огня январская ночь

Передав список официальному следствию, мы не остановили собственное расследование и продолжили параллельно выяснять, что случилось с этими людьми.

И поскольку у нас нет больше уверенности, что новый следователь, проводящий проверку, захочет общаться с журналистами «Новой газеты», мы решили опубликовать все, что нам известно об обстоятельствах их исчезновения.

После 17 декабря прошлого года в Чечне начались массовые задержания людей. В начале января в Грозненском, Курчалоевском и в Шалинском районах Чечни были проведены спецоперации, в ходе которых проходили массовые задержания. Задержанные, однако, никак не оформлялись официально, им не предъявляли обвинения, а вместо этого — поместили в подвалы и подсобные помещения отделов полиции. Задержания продолжались до конца января, всего, по данным газеты, было задержано около 200 человек.

«Новая газета» тщательно отслеживала эти события и неоднократно писала о судьбе задержанных. Так, 12 января мы публиковали фамилии задержанных после спецоперации в Курчалоевском районе (см. сайт «Новой газеты» — «Больше 20 человек задержаны в ходе масштабной операции в Чечне»). Часть людей из этого списка были «легализованы» только 20 февраля. Это значит, что формально арестованы они были только через полтора месяца после фактического задержания. Этим людям были предъявлены официальные обвинения в незаконном обороте оружия (ст. 222 УК РФ), единицам добавили 208 УК РФ (участие в незаконном вооруженном формировании).

Мы полагаем, что за полтора месяца незаконного содержания у этих людей под давлением были получены признательные показания, часто являющиеся в Чечне единственным доказательством вины. В этом легко убедиться, подняв уголовные дела, которые расследует сейчас следственное управление Следственного комитета Чечни. Доказательством незаконного полугодового задержания, которое на самом деле с точки зрения закона нивелирует все так называемые признательные показания, могут быть опубликованные 12 января на сайте «Новой газеты» фамилии 22 задержанных 9–10 января.

При сопоставлении этих данных выяснилось, что шесть человек, задержанных 9–10 января, значатся в списке предполагаемых убитых, который мы передали в СКР.

Список «с пометками»

В ходе журналистского расследования мы смогли получить от источника в МВД

по Чечне список задержанных в январе жителей. Мы смогли их соотнести со следующими населенными пунктами Чечни: Шали (28 человек), Курчалой (9 человек), Цоци-Юрт (11 человек), Майртуп (6 человек), Герменчук (3 человека), Комсомольское (1 человек), Автуры (2 человека), Старая Сунжа (4 человека), Сержень-Юрт (2 человека), Белгатой (1 человек).

Сравнив этот документ со списком предполагаемых убитых, переданным в СКР «Новой газетой», мы выяснили судьбу еще 21 человека, которые были задержаны и впоследствии, по нашим данным, убиты. Самое большое количество задержаний было в Шалиях, адреса жителей Шалей из списка нам удалось установить. Но все попытки узнать что-либо о судьбе этих людей наткнулись на невероятный страх наших собеседников. Один из них, сотрудник городской администрации Шалей, панически отказался знакомиться с фамилиями установленных нами шалинцев и сказал: «Все, кого задержали в Шалиях в январе, — их больше нет. Не ищите».

Всего на данный момент нам известно уже о 27 предполагаемо убитых (см. список «Новой газеты»), хотя, по нашим сведениям, речь вообще может идти о 56 жителях Чечни. Все эти люди были задержаны в разное время (нам удалось установить даты задержания тринадцати задержанных — 9, 10, 21, 24 января). Однако дата смерти, по нашей информации, у всех этих людей — одна. Ночь с 25 на 26 января.

В эту ночь задержанные содержались в Грозном на территории дислокации полка патрульно-постовой службы полиции имени Героя России Ахмат-Хаджи Кадырова, который возглавляет полковник полиции Аслан Ирасханов. В это время на территории ППС им. А. Кадырова, по свидетельству родственника одного из жертв, влиятельного чеченского чиновника, сумевшего выяснить обстоятельства исчезновения задержанных, находились первый заместитель министра МВД по ЧР Апти Алаудинов, командир СОБРа «Терек», начальник личной охраны главы Чечни Абузейд Висмурадов (кличка «Патриот»), командир ППС им. А. Кадырова Ирасханов и начальники ОМВД РФ по Чечне тех районов, в которых были зарегистрированы задержанные.

По имеющейся у нас информации, задержанных в эту ночь расстреляли и развезли по различным кладбищам, в том числе христианским, и закопали в наспех вырытых могилах (некоторые места захоронений известны «Новой газете»).

Тщательное изучение списков задержанных приводит к выводу, что решение о внесудебной казни принималось централизованно и, как ни странно, спонтанно. Впрочем, именно так и принимаются ключевые решения в сегодняшней Чечне.

Это следует хотя бы из анализа документа, который нам передали из МВД по ЧР. Он представляет собой типичные фототаблицы, которые используются всеми полицейскими и составляются, видимо, по единому шаблону (можно предположить, что чеченские полицейские ведут учет своих «неофициальных» действий согласно общепринятой в МВД России практике). Фотографии, очевидно, делались сразу после задержания, причем не в официальных отделах полиции. Многие задержанные прикованы наручниками к шведской стенке или вообще к батарее, характерной скорее для подвального помещения. Напротив некоторых фотографий сделаны отметки, причем, видимо, в разное время. Если нет никаких пометок, то это означает, что задержанный был отпущен. Пометки, содержащие номера уголовных статей, означают, что задержанный впоследствии был привлечен к уголовной ответственности. Эти пометки делались в одном и том же столбце фототаблиц — после персональных данных каждого задержанного. То есть до какого-то момента у задержанных было две опции: либо быть отпущенным, либо — привлеченным к уголовной ответственности. Но потом на полях списка задержанных появились отметки, которые вообще никак не согласуются с полицейской целесообразностью. Это — «плюс» и «минус». «Плюс» чаще всего стоит там, где фигурируют уголовные статьи. «Минус» может означать только одно. Ликвидация.

Мертвые говорят

Подчеркнем. Несмотря на то что нашу информацию подтвердили два источника (в следственном управлении Следственного комитета по Чечне и в администрации главы Чечни), мы не можем утверждать, что в ночь с 25 на 26 января в Чечне произошла беспрецедентная по своим масштабам даже для Чечни внесудебная казнь.

Но мы можем настаивать на возбуждении уголовного дела, в рамках которого проверить эти факты не так уж и сложно. Во-первых, мы дали Следственному комитету России больше чем достаточно фактов о личных данных жертв. Во-вторых, эксгумация и посмертное судебно-медицинское

исследование трупов вполне способно выявить следы пулевых ранений — они остаются на костных останках навсегда. Установить личности предполагаемых убитых тоже легко — для этого у родственников жертв надо забрать образцы ДНК для проведения сравнительного анализа. В отличие от ситуации с преследованием геев, когда семьи жертв, хоть и под давлением, но принимали активное участие в репрессиях, в данном случае родственники задержанных по подозрению в экстремизме будут содействовать следствию. Далеко не все к тому же знают об истинной судьбе своих близких. Многие еще надеются на то, что задержанные вернутся домой живыми. Своих пропавших в январе близких люди ищут до сих пор, приходят в полицию, спрашивают. В ответ уже много месяцев слышат одни и те же отговорки: «может, они уже в Сирии где-нибудь», «сами должны следить за своими родственниками, чего вы от нас хотите». В лучшем случае людям говорят: «Придет время — узнаете».

Своими неоднократными и теперь уже публичными обращениями в Следственный комитет России мы пытаемся донести до руководства страны и следствия доказательства, оставляющие мало сомнений в существовании в Чечне активной практики внесудебных казней. Мы уверены, что именно многолетнее попустительство такой практике сделало возможным массовые преследования геев в Чечне. И если эту практику, наконец, жестко не пресечь, в следующий раз мы столкнемся с еще более вызывающим преступлением, чем убийство людей только по причине того, что кто-то счел неприемлемой их сексуальную ориентацию.

Мы публикуем эти факты потому, что государство в лице уполномоченных правоохранительных органов не оставило нам выбора. Два месяца мы надеялись на сотрудничество, которое в самом начале было эффективным. Сегодня уже очевидно, что Следственный комитет России сдает позиции по этой ситуации ровно так, как он сдал их по делу об убийстве Бориса Немцова. Именно поэтому мы публикуем список тех, кто, по нашим данным, стал жертвами возможно самой страшной внесудебной казни в Грозном. И теперь следствию, которое ссылается на отсутствие живых заявителей, придется иметь дело с особыми свидетелями. Потому что только мертвым в Чечне боятся больше нечего.

Елена МИЛАШИНА

Список «Новой газеты»

АБДУЛМЕЖИДОВ Адам Исаевич, 27.05.1987 г.р.

ванный по адресу: г. Шали, улица Грозненская, 39.

АБУМУСЛИМОВ Апти Хасанович, 06.02.1989 г.р., г. Шали, улица Школьная, 16.

РАШИДОВ Доку Ибрагимович, 30.05.1995 г.р.

АБДУЛКЕРИМОВ Сайд-Рамзан Рамзанович, 25.03.1990 г.р., зарегистрированный по адресу: село Курчалой, улица Дохтукаева, 18.

СИРИЕВ Магомед Мусаевич, 23.02.1993 г.р.

АЛИМХАНОВ Ислам Алиевич, 07.06.1998 г.р.

СОЛТАХМАНОВ Исмаил Эзер-Алиевич, 30.03.1994 г.р., зарегистрированный по адресу: село Майртуп, улица Нурадилова.

АБУБАКАРОВ Адам Джабраилович, 05.05.1995 г.р.

СУЛЕЙМАНОВ Магомед Арбиевич, 03.01.1987 г.р., г. Шали, поселок Кавказ, дом 8, квартира 4.

БЕРГАЕВ Исмаил Шадилович, 19.08.1998 г.р.

ТУЧАЕВ Ахмед Рамзанович, 23.02.1987 г.р., г. Шали, улица Школьная, 30.

ДАСАЕВ Адам Ильясович, 16.06.1988 г.р., г. Шали.

ХАБУЕВ Хамзат Слаудинович, 14.02.1993 г.р.

ДЖАБАЕВ Зелимхан Хизирович, 18.12.1993 г.р.

ХАКИМОВ Альви Асламбекович, 16.11.1992 г.р.

ИЛЬЯСОВ Адам Хусейнович, 22.09.1997 г.р.

ХАМИДОВ Шамиль Ахмедович, 14.11.1986 г.р.

ЛУГАЕВ Ризван Саид-Хамзатович, 13.09.1987 г.р., г. Шали.

ЦИКМАЕВ Аюб Султанович, 02.04.1984 г.р., село Герменчук, улица Молодежная.

МАЛИКОВ Ризван Агданович, 01.06.1990 г.р.

ШАПИЕВ Муслим Исаевич, 28.11.1989 г.р., зарегистрированный по адресу: г. Шали, улица Кутузова, 12.

МУСКИЕВ Мохма Турпалович, 19.07.1988 г.р., зарегистрированный по адресу: село Цоци-Юрт, улица Новая, 10.

ЭСКАРБИЕВ Сайхан Вахамсолтович, 23.05.1992 г.р.

МУСХАНОВ Темирлан Ахмадович, 28.04.1986 г.р., г. Шали, улица Чичерина, 2.

ЮСУПОВ Сахаб Исаевич, 19.01.1990 г.р.

ОЗДИЕВ Усман Вахаевич, 24.12.1989 г.р., зарегистриро-

ЮСУПОВ Шамхан Шайхович, 17.06.1988 г.р., зарегистрированный по адресу: село Курчалой, ул. Советская, 11.

Сорос вынесен из избы-читальни

В архангельских библиотеках идет зачистка: изымаются Пушкин, Лермонтов, Чехов, Лотман, Чуковский, Экзюпери, жития святых...

Одного такого штампа оказалось достаточно для признания книг классиков нежелательными

«**П**овести Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка», лермонтовский «Герой нашего времени», повести и рассказы Чехова, «Беседы о русской культуре» Юрия Лотмана, «Пушкин в воспоминаниях современников», биографии Высоцкого, Шукшина и Вознесенского, энциклопедический труд о русской избе, «Справочник фельдшера», жития русских святых, сказки Бианки и Сутеева, Чуковский, Драгунский, Экзюпери, Кассиль и даже «Сборник законов Российской Федерации» — все это отныне издания, вредные для россиян. Подлежат немедленному изъятию с библиотечных полок, по крайней мере, в Архангельской области зачистка идет полным ходом. Правда, сами по себе «солнце русской поэзии» вкупе с «Мухой-цокотухой» вроде бы никому не мешают. Мешают лишь те издания, что помечены «каиновой печатью»: штампом «Пушкинская библиотека» института «Открытое общество»*.

Первым о происходящем сообщил в фейсбуке ученый секретарь Пушкинской комиссии РАН Алексей Балакин со ссылкой на мезенских библиотекарей. По его словам, поводом стало «негласное распоряжение из центра», о котором людям запретили говорить под угрозой увольнения.

«Как было разъяснено библиотекарям, все они изданы запрещенным в России иноагентом, фондом Сороса, и потому подлежат... домыслите, чему, — пишет Балакин. — Понятно, что никакой Сорос их никогда не издавал, а на рубеже веков институт «Открытое общество» закупал лучшие книги лучших издательств и рассылал их по библиотекам, ставя на титульные листы штамп. Сейчас же все книги с подобными штампами и было велено изъять из читательского оборота, а библиографические карточки на них удалить из карточек».

В конце 90-х фонд Сороса действительно поддерживал программу по комплектованию российских библиотек. На то, чтобы наполнить лучшими изданиями разножанровой литературы 3,5 тысячи книгохранилищ, было потрачено 100 миллионов долларов. В основном закупалась классика, которая на полках библиотек «самой читающей в мире страны» была явно в дефиците, а также научная литература, словари, справочники — все лучшее, что выходило в свет. В райцентрах глубинки, где книжные магазины к тому времени давно позакрывались как нерентабельные, их бы, не будь «Пушкинской библиотеки», не увидели вовсе. Проект был призван

вернуть россиянам гуманитарное знание и покрывал широкую сеть провинциальных библиотек. Название же его символично: пушкинская открытость, баланс национального и европейского, цивилизация, просвещение. Все это Генпрокуратура в 2015 году расценила как «угрозу основам конституционного строя Российской Федерации и безопасности государства».

А затем взялись за книги.

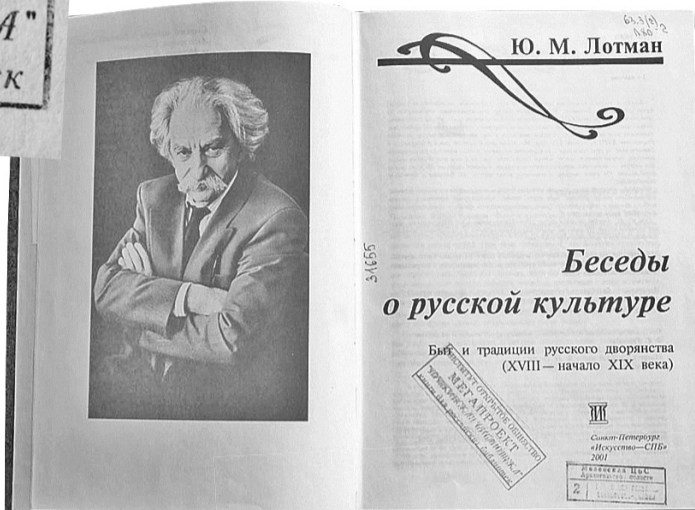
Уже в 2015 году из школьных библиотек Свердловской области убрали выпущенные при поддержке фонда книги британских историков Джона Кигана и Энтони Бивора. В начале 2016-го в Воркуте сожгли (потом, правда, уверяли, что нет) 53 учебника, изданные при поддержке Сороса, еще несколько сотен просто изъяли.

Чиновники, объясняя свои инициативы, обвиняли авторов изъятых учебников в ангажированности и дурном влиянии на подрастающее поколение. А уж Пушкин-то в чем провинился? «Плешивый щеголь, враг труда» — за такие строчки нынче схлопотать немудрено, — иронизируют в соцсетях.

«**В** данный момент в нашей сельской библиотеке все эти книги убраны с полок, вынесены в совершенно другую комнату и закрыты темной плотной тканью»

Библиотекарям не до иронии.

«Когда я узнала об этом изъятии, была в шоке и недоумении, такие книги хорошие, много литературы справочного характера. В данный момент в нашей сельской библиотеке все эти книги убраны с полок, вынесены в совершенно другую комнату и закрыты темной плотной тканью — очевидно, до особого распоряжения. Я не понимаю, что хотят этим добиться? Книги эти были востребованы учителем. Остается много вопросов, и нет ответов», — собеседница «Новой» до середины мая работала в каргопольской библиотеке. Как и все сотрудники библиотек, которые в течение двух дней, что длится

скандал, соглашались пообщаться с прессой, она просит не публиковать ее имя. Установка на молчание дана под угрозой увольнения. Разумеется, устно. Как и само распоряжение об изъятии литературы. При этом региональные чиновники от культуры и образования само наличие такого приказа отрицают.

По данным Алексея Балакина, кроме устного указания, в села был вдобавок

зинов. Изымали по списку. Организаторы называли акцию «ответом на всемирную клеветническую кампанию против Германии» и утверждением «традиционных немецких ценностей».

Сейчас доподлинно известно, что книги с «нехорошей» печатью отправлены «под арест» в Каргопольском, Мезенском, Верхнетоемском районах Архангельской области. Кроме того, как сообщил источник «Новой», в библиотеке Северного государственного медицинского университета такая «акция» прошла еще в прошлом году.

«В нашей библиотеке полки заметно опустели, много хороших книг с них убрали, я ползала в интернете — там в основном про учебники речь шла, а зачем все-то подряд убирать? Это значит — книговыдача снизится, и главное, — а когда ясность-то будет по этому вопросу? Никто не знает», — сетует собеседница «Новой». «Жирные годы» никак не отразились на состоянии дел в сельских библиотеках. Так же, как и в 90-е, они не могут похвастаться избытком средств на закупки или богатыми государственными дотациями на комплектование фондов. Сейчас, уже без Сороса, фонды

если и прирастают, то разве что «секондхендом». Спрашиваю, как комплектуется фонд в Каргополе. «Да никак, можно сказать, нашей библиотеке помогает фонд спасения церкви «Вереница» — люди просто собирают книги и отправляют нам. Я еще придумала акцию перед новым годом — денег собрать на подписку, на периодику»...

«Упорядоченному государству — порядочную семью! Нет растлевающей душу половой распущенности! Нет фальсификации отечественной истории и очернительству великих имен! Нет антинародной журналистике демократически-еврейского пошиба в годы национального восстановления! Нет писакам, предающим героев мировой войны. Да здравствует воспитание молодежи в духе подлинного историзма!» Под такие, заранее заготовленные речевки 10 мая 1933 года на Бебельплац (тогда — Опернплац) в огонь бросали Ремарка, Фрейда и Манна. 74 года спустя в стране, победившей фашизм, их пока не жгут, только прячут за плотной занавесью.

«Это была лишь прелюдия, там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей», — цитата Гейне на табличке на Бебельплац. Там под ногами прохожих закрытые стеклом стоят пустые книжные полки. Такой памятник скорби. У нас памятников скорби нет, а вот пустые полки — пожалуйста. В любой сельской библиотеке.

Татьяна БРИЦКАЯ, «Новая»

* Организация, признанная в 2015 году нежелательной на территории РФ.

В шахте в это время находились 165 человек. Четверо погибли. Еще двое, с кем была утеряна связь, найдены живыми. В течение четырех часов специализированное ЗАО «Промбезопасность» и МЧС — четыре отделения военизированного горноспасательного отряда и пожарно-спасательный гарнизон — обеспечивали поэтапную эвакуацию и вели поиски пропавших.

Найдены все, живые и мертвые, тела погибших подняты на поверхность, назначена экспертиза. Погибли: горный мастер «Норильскшахтспецстрой» 29-летний Кирилл Пешляев, проходчики Владимир Разинкин (27 лет) и Андрей Горбенко (ему бы исполнилось 35 через неделю), машинист погрузочно-доставочной машины Евгений Балашов (ему 37 исполнилось за 5 дней до трагедии). Работает следственно-оперативная группа, дело заведено по статье «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ».

Денис КОЖЕВНИКОВ / ТАСС

Рудник «Заполярный» после взрыва

Приказом начальника Норильского исправительно-трудового лагеря и комбината НКВД СССР рудник «Заполярный» был выделен в отдельное подразделение в 1945 году. Тогда имени у него, конечно, не было — лишь номер, как в те времена у всего здесь. «Семерка». В его породе — медь, никель, кобальт, золото, серебро, металлы платиновой группы. И — сложные горно-геологические условия залегания рудного тела.

Это всегда был опасный объект. И это знали всегда, пары метана фиксировались, однако замдиректора Заполярного филиала «Норникеля» по промышленной безопасности и охране труда Сергей Градюшко, отправленный компанией давать городу комментарии, выразил сомнения в метановой версии.

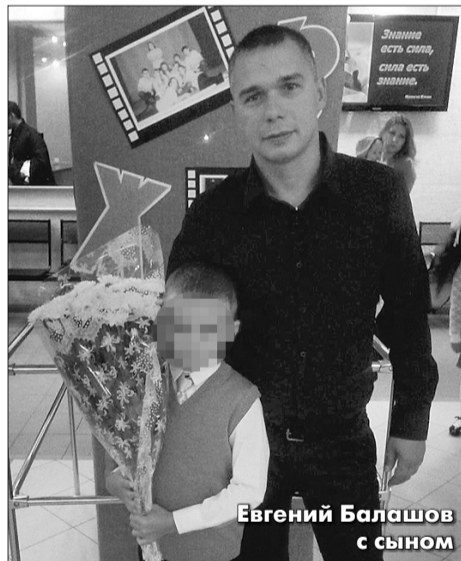
Сотрудники МЧС и вовсе поражают изяществом формулировок: «произошел хлопок», говорят они, и на том настаивают. Или вот СКР: «хлопок неустановленного газа». Градюшко: «При проведении спасработ на месте трагедии замеры не показали наличие метана, также его не показывали замеры, сделанные ранее, в ночную смену. Взрыв метана при проведении строительных работ — такова предварительная версия. Внутренняя комиссия рассматривает разные версии».

Нет причин сомневаться в объективности начатого расследования. Но почему-то не удивляет и убежденность норильчан, с кем связался (называть их априори не могу — все в городе завязано на «Норникеле»), в том, что природа «хлопка» окажется максимально удобной для топ-менеджмента. Не преступное упущение в надзорных функциях, а неосторожность самих рабочих. Не метановоздушная смесь, а, например, взрыв взорвавшихся ранее материалов. Напомню причину предыдущего взрыва с жертвами на «Заполярном» (15 марта 2001 года в выработке на глубине 201 метр погибли двое, еще четверо были ранены) — сдетонировала при транспортировке взрывчатка.

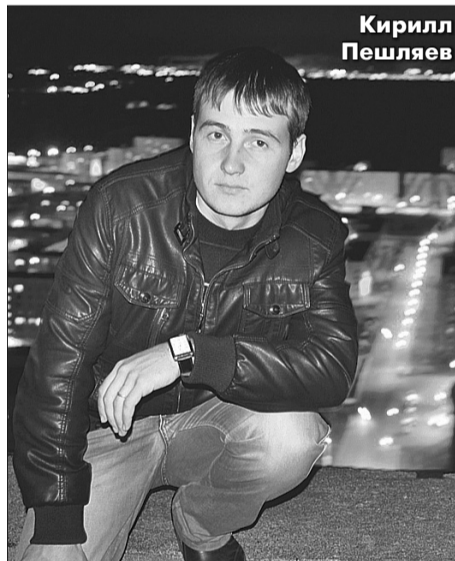
И пусть выводы госкомиссии будут точны и компетентны, никто в них все равно не поверит. Все знают, что бизнес в России, самый крупный, чьими акциями торгуют на мировых площадках, базируется на низкой стоимости человеческой жизни. Жизни Кирилла Пешляева — от него остались фотографии на его страни-

Монетизация СМЕРТИ

Утром 7 июля в Норильском промрайоне в руднике «Заполярный» взорвались пары метана. Четыре шахтера погибли

Евгений Балашов с сыном

Кирилл Пешляев

це в соцсетях, где он пять лет назад, еще мальчишка со счастливой улыбкой, получив диплом, мечтает о судьбе горного инженера. Жизни Евгения Балашова — на его странице он с сыном, пошедшим в первый класс... Менеджер Градюшко сейчас утверждает, что взрывов метана на его памяти не было. Ну да, не было, а Градюшко нет и сорока лет. Что это доказывает? «Норникель» в комментариях к ЧП зачем-

то подчеркивает, что ни пострадавшие, ни погибшие не являлись шахтерами. Все они работники ООО «Заполярная строительная компания» (ЗСК). Ну да. Шахтостроители вели плановые проходческие работы. Специализированное управление «Норильскшахтспецстрой» входит в состав треста «Норильскшахтстрой», тот — подразделение ЗСК, которая, выполняя функции генподрядчика на всех крупных объектах строительства «Норникеля», в свою очередь является его «дочкой».

Рудник — «Норникеля». Здесь все его. То, что погибли работники не «Норникеля», а его «дочки», что-то меняет?

В течение дня комментарии «Норникеля» обретали все более уверенный вектор. Нам уточнили: взрыв произошел на строящемся участке. Чуть позже, снова Градюшко: «основная причина случившегося, по предварительным сведениям, — это неудовлетворительная организация производства работ со стороны линейного надзора ЗСК, что выразилось в допуске работников в выработку, где отсутствовало проветривание».

Вот типичный комментарий о менеджерах, отвечающих за технику безопасно-

сти, в одном из сетевых сообществ норильчан: «Зарылись по самое рыло в бумажки, уже скоро по заявлению в туалет ходить будем. Чем больше маразма, тем больше травм. Приписки, очковтирательство, зарплаты раза в 3 больше, чем у рабочих. В любом случае сделают виноватыми рабочих, и зверства продолжатся. Не на качочки с ремешочками надо делать акцент, а на более серьезные проблемы».

О «более серьезном». В апреле прошлого года в Новокузнецке губернатор Кузбасса Тулеев рассказывал премьеру Медведеву об американском опыте: дегазацией шахт в США занимаются не недропользователи (дабы не экономили, выкачивание метана — это затратное мероприятие), а независимые компании. США, понятно, нам не указ, да и Кузбасс не Норильск, где каждая шахта уникальна, а подземная норильская сеть и вовсе. Как и норильская история и практика: когда здесь кого-то чужого допускали к чему бы то ни было? Что особо здесь поменялось со сталинских лет, когда начальник лагеря командовал всем? Ну да, появился город, руководители его стали чем-то вроде замполитов и адъютантов при генерале, лагерь постепенно преобразовался в промышленный концерн, затем его отдали ушлым московским банкирам, много чего происходило с внешней стороны жизни, внутренние же принципы организации местной жизни и смерти остались прежними.

Теперь о самом серьезном. Власть и бизнес всегда в подобных случаях говорят о деньгах много, бодро, поспешно, сразу, примерно как нынешние СМИ тут же начинают выдавать прогнозы брокеров о падении акций «пострадавшей» компании — точно главное это, а не лица погибших и обстоятельство жизни и смерти.

Так вот, сразу последовали ссылки на фэдзакон и объявлена сумма: «страховая выплата в случае смерти в результате аварии на опасном объекте составляет 2,025 млн рублей за каждого погибшего». Ответственность «Норникеля» застрахована в «СОГАЗе». Два миллиона — столько же отдали за каждую жертву теракта в питерском метро. При этом власть и бизнес знают, что не доплачивают за трупы. Например, за погибших в августе 2009 года на Саяно-Шушенской ГЭС отдано в среднем по 2,3 млн рублей. А через 9 месяцев после катастрофы на Енисее произошла трагедия на шахте Распадской. Там за каждого погибшего давали уже по три миллиона.

Два или даже три миллиона — это цена неплохой железной машины, а не живого человека. Пока от нас будут отделяться такими суммами, все будет продолжаться, как и было. Только угроза попасть на очень большие деньги может заставить собственника бизнеса организовывать его так, чтобы не убивать людей. А инспекторов Ростехнадзора — выполнять свои служебные обязанности.

Ведь «Заполярный» не закроют по примеру других шахт на «материке», где гремели взрывы, пусть даже с коксующимся углем. Это не уголь.

Алексей ТАРАСОВ, обозреватель «Новой»

ПОД ТЕКСТ

Неполный список происшествий в шахтах Норильского промрайона за последние 3 года

2016. 1 мая: трое работников участка подземных работ стволовой шахты ВС-10 выполняли работы по установлению металлической платформы, один из них упал с высоты 13 метров, разбившись насмерть.

2015. 11 сентября: в руднике «Октябрьский» произошло обрушение подпорной стены, два человека погибли, один травмирован.

2014. 14 декабря: в шахте «Известняки» рудника «Кайерканский» рабочего прижало спецмашиной, погиб на месте.

В целом по предприятию в 2016-м — 53 несчастных случая, погибли 13 человек, в 2015-м — 14, в 2014-м — 8 человек.

Встреча Владимира Путина и Дональда Трампа, которой долго ждали политики и дипломаты и о результатах которой много спекулировали политологи и журналисты, наконец состоялась. Она прошла в объёме уличными боями в Гамбурге, но принесла надежду на смягчение военного конфликта в Сирии. В остальном ее значение ограничилось тем, что она состоялась. Путин стал последним из значительных государственных лидеров, с кем переговорил новый президент США. По свежим следам судить трудно, но можно надеяться, что поворот от направления «в никуда» произошел. Стороны договорились создать низовые рабочие структуры для диалога.

Рядом с Трампом, главным «антигероем» саммита, президент России выглядел вполне приемлемым гостем Гамбурга

РИА Новости

В пятницу вечером, когда главы государств и правительств стран «двадцатки» отправились на прием и концерт в Эльбскую филармонию на остров в старом порту, я ушел из пресс-центра. Выбравшись из обезлюдившего выставочного квартала Гамбурга (местной ВДНХ), где проходило двухдневное совещание лидеров «Большой двадцатки», в поиске открытой станции метро я попал в войну. Полицейские, среди которых не было местных, не могли показать дорогу, а пожилая пара у очередной закрытой станции «Фельдштрассе» сказала, что следующая ближайшая — «Штерншанце».

— Далеко?

— Нет, минут десять, но небезопасно.

Значение этих слов я понял на площади Нойер-Пфердемаркт. Там проходила линия фронта между вооруженной спецслужбой полицией и тысячами демонстрантов-антиглобалистов. Дальше к Рыбному рынку в сторону Эльбы — территория оппонентов власти.

Полиция пыталась освободить от смуглянов пути проезда государственных гостей после вечера в филармонии в свои гостиницы. На карте — престиж Германии.

С подожженных баррикад поднималась пламя с черным дымом, горели припаркованные автомобили, со стороны полиции время от времени летели струи воды из водометов, со стороны демонстрантов — файеры, бутылки и другие предметы. И все это под аккомпанемент шумовых гранат. На момент написания этих строк ущерб подсчитывался, он явно больше, чем вечером накануне, когда были легко ранены полсотни полицейских, сгорели десятки престижных машин и задержаны около полусотни погромщиков.

Немного промокнув, мне удалось пересечь «линию фронта», и, укрывшись пару раз в арках подъездов от толпы, убегающей от очередной полицейской

атаки, я целеустремленно пошел к станции метро «Штерншанце», которая, однако, тоже оказалась закрытой, и далее к «Шлумпу».

На всем пути я встречал компании молодых людей, которые шли в обратном направлении, от работающих станций к «линии фронта». Проходя мимо телерепортеров, они показывали растопыренные в знаке «виктория» пальцы. Они не выглядели хулиганами и погромщиками, которых я видел на «поле боя», но шли туда и явно симпатизировали демонстрантам. Хозяева кафе и пивных зазывали объявлениями: «Демонстранты, добро пожаловать».

Стены домов квартала Шанце, вотчины коммунистов и анархистов, заклеены листовками против глобализации и «дикого» капитализма, против «двадцатки» (акция называлась язвительным приветствием: «Добро пожаловать в ад!»). Но главным антигероем был Трамп, которого в некоторых листовках называли «фашистом».

Он — абсолютное зло. На его фоне нелюбимый на Западе Путин выглядел вполне приемлемым гостем Гамбурга.

В пресс-центре саммита «двадцатки» трудно было не услышать русскую речь. С утра пятницы многочисленные представители российских государственных СМИ соревновались в толковании жестов и взглядов.

Когда отношения между странами совсем худые, приходится ловить и интерпретировать скудные сигналы личной приязни между лидерами. В идеале — в современном мире межгосударствен-

« По словам Тиллерсона, два президента не хотели заканчивать разговор, и даже вторгшаяся в зал после часа беседы Мелани Трамп не смогла побудить мужа остановиться »

Спецкор «Новой» попал на уличную войну в Гамбурге и рассказал о первой личной встрече Путина и Трампа

Переговоры на «линии фронта»

ные отношения не должны зависеть от личных симпатий или неприязни. Лидеры в любом состоянии личных отношений должны выполнять свой мандат. Но на практике чаще похожи на монархов позапрошлого века.

Хозяйка встречи Ангела Меркель принимала гостей по протоколу. С Макроном по-дружески расцеловалась, как и с брюссельскими чиновниками Туском и Юнкером. Трамп пришел как старший брат, протянул Меркель руку, фамильярно приобнял ее за плечи и пошел дальше в зал.

С Путиным фрау канцлер обменялась дежурными любезностями, улыбками и рукопожатиями, как и с другими. Правда, потом они вместе шли к столу

рабочего обеда и о чем-то беседовали, подкрепляя язык жестами. Трудно угадать движения ладоней: как будто что-то через что-то перелетает. Самолеты, снаряды? Собеседники не улыбались. Но пресс-секретарь Песков отметил, что Меркель очень радушно встретила Путина, речи о международной изоляции России не может быть.

Кто-то продолжал искать скрытый смысл в расстановке гостей на «семейном фото», где Путин стоял через китайца Си от председательствующей Меркель, а Трамп совсем с краю: дальше него только Макрон. Но это был просто протокол, который учитывает бывшего и будущего председателей «двадцатки» и стаж лидеров на своем посту.

Соревнование в угадывании сигналов продолжалось, и в минуты протокольной съемки начала встречи между Путиным и Трампом. Формула вежливости придавался политический смысл.

Репортеры выкрикивали не предусмотренные сценарием такой съемки вопросы, которые Трамп и Путин игнорировали. Первый — с надмен-

Гамбург. 7 июля 2017 года

ностью американского миллиардера, второй — с ледяной непроницаемостью агента КГБ.

Перед встречей сгустилась напряженность в связи с выступлением Трампа накануне в Варшаве. Там он назвал Россию дестабилизирующим фактором и обещал полякам и прибалтам, что Америка защитит их на основании Статьи 5 Североатлантического договора. Если на них кто-то нападет (кто же еще, кроме России?)

Председатель Евросовета Дональд Туск, бывший польский премьер, сказал, что таких слов Трампа давно ждали в Европе. Но, оговорился он, остается убедиться: это единичный порыв Трампа или новая политика Вашингтона. Брюссель и Центральная Европа настоятельно сомневаются, что Трамп достаточно жестко противостоит Путину.

Встреча президентов продолжалась более двух часов вместо запланированных 30–40 минут. Видимо, торг по накопившимся проблемам был трудным и захватывающим, но глава Госдепа Рекс Тиллерсон объяснил это возникшей приязнью, «положительным взаимопониманием» между двумя президентами. Они,

мол, не хотели заканчивать разговор, и даже вторгаясь в зал после часа беседы Мелани Трамп не смогла побудить мужа остановиться.

Пресс-конференция Путина и Трампа по итогам переговоров в Гамбурге не было. Информацию об их встрече журналисты из кремлевского и бело-домовского пулов получили в пересказе, соответственно, Сергея Лаврова и Рекса Тиллерсона.

По словам Лаврова, президенты договорились объявить о прекращении огня на юго-западе Сирии с полудня воскресенья. Это подготовленный сюрприз. Только в пятницу эксперты РФ и США в Аммане согласовали меморандум о зоне деэскалации в районах Дераа, Кунейтры и Сувейды. Там будет обеспечивать безопасность российская военная полиция в координации с иорданцами и американцами. Есть понимание еще по трем зонам деэскалации. По словам Тиллерсона, на согласование последних деталей по южной зоне требуется еще неделя. По северу пока ясности нет. Мониторинговый центр создается в Иордании.

Тонкий троллинг от протестующих. Пиво подано

« С подожженных баррикад поднималось пламя с черным дымом, горели припаркованные автомобили, со стороны полиции время от времени летели струи воды из водометов, со стороны демонстрантов — файеры, бутылки »

Стороны по-разному оценивают это достижение. Россия подчеркивает, что США и Иордания согласились с территориальной целостностью Сирии, американцы отмечают признание Россией вооруженной сирийской оппозиции, против которой она до сих пор воевала на стороне Асада. США по-прежнему за изгнание клана Асада из власти.

Америка и Россия остались при своем в вопросах возвращения российской дипсобственности в Вашингтоне. Российским дипломатам не удалось договориться о возвращении в Россию осужденных в США на долгие сроки бизнесмена Бута и летчика Ярошенко. Москва и Вашингтон по-разному смотрят на милитаристские и ядерные амбиции Пхеньяна. Нет сведений и о возможной выдаче США разоблачителя Сноудена, получившего статус беженца в России. Торговались ли об этом Путин и Трамп, источники умалчивают.

По Украине тоже прорывов нет, они и не ожидали. Но США теперь подключены к решению проблемы наряду с «нормандским форматом». Объявлено о назначении спецпредставителя США по Украине. Им стал Курт Волкер, бывший постпред при НАТО. Он, как подчеркнул Тиллерсон, назначен по просьбе России. Это будет канал связи между Москвой и Вашингтоном по урегулированию ситуации на востоке Украины. Лавров ожидает, что спецпредставитель США скоро приедет в Москву для консультаций.

Вообще-то, саммит «двадцатки» — не об отношениях великих держав. Он — о решении обострившихся глобальных проблем. Главными темами были противодействие протекционизму в мировой торговле, терроризм, миграция. Евросоюз внес в повестку дня специальный вопрос «об обуздании глобализации».

«Двадцатка» придумана не для того, чтобы лидеры встречались на полях и обсуждали двусторонние проблемы, в том числе те, которые раздражают демонстрантов в Гамбурге. «Двадцатка» — это две трети населения планеты, четыре пятых мирового ВВП, три четверти глобальной торговли. Россия в «двадцатке» не потому, что богата и делает много полезного для всего мира. Статус России как великой державы держится на обладании ядерным оружием и праве вето в СБ ООН (устаревшем наследии Второй мировой войны).

Сегодня внешняя политика Москвы направлена на то, чтобы выделиться, похвалиться полным суверенитетом, абсолютной независимостью, которых в современном мире быть не может, и обязательно выглядеть великой.

Но как быть вот с этим? Доля России в мировом ВВП составляет 1,7%, в то время как США — 24,7%, ЕС — 21,8%, Китая — 14,9%, Японии — 6,6%. По ВВП на душу населения россияне в «двадцатке» на одном из последних мест (8.066 евро в год) и уступают не только богатым американцам, европейцам, австралийцам, канадцам, японцам и южным корейцам, но и туркам с аргентинцами. Немножко беднее россияне китайцы и мексиканцы, совсем бедны индийцы и индонезийцы, но их много, поэтому они занимают свои места в «клубе важнейших».

Зато Россия — единственное государство, которое способно полностью уничтожить США.

Ну разве не повод для гордости?

Александр МИНЕЕВ,
спец. корр. «Новой»
Гамбург

Transparency International выпустила доклад о лоббистских практиках, которые крупные российские компании

используют для продвижения своих интересов в Европейском союзе. Наем корпоративных лоббистов госкомпания каждый год тратят миллионы евро, не отчитываясь об этих расходах. Заместитель директора российского отделения Transparency International Илья Шуманов рассказал «Новой газете» о том, как работает «цивилизованный лоббизм» на Западе и как сделать процесс принятия решений более прозрачным в нашей стране.

Илья Шуманов — о практике российского лоббизма, обобщенной в докладе Transparency International

«Госкомпании

воспринимаются Западом

— Наш доклад посвящен публичным реестрам лоббистов в ЕС и тому, как российские компании продвигают свои интересы в европейских странах. Лоббизмом часто занимаются госкомпании, а это значит, что опосредованно тратятся деньги налогоплательщиков. Сейчас в европейском реестре находится около 15 российских компаний: РАО ЕЭС, «дочки» «Росатома», «Сбербанка», «Газпрома», «РЖД» и так далее. Общая сумма трат на продвижение своих интересов за рубежом, которую они заявили, составляет 3,3 млн евро. Это только верхушка айсберга, потому что существуют еще реестры на национальном уровне, которые далеко не всегда раскрываются.

— Термин «лоббизм» в России обычно используют в негативном контексте, когда говорят про коррупцию, «серые» схемы. Но существуют ведь и другие его формы?

— Цель любого лоббизма — влияние на принятие решений органами власти со стороны финансово-промышленных групп и гражданского общества. Считается, что есть цивилизованные формы лоббизма и есть «дикий», неотрегулированный лоббизм. В первом случае речь может идти об организации круглых столов и ознакомительных встреч с публичными должностными лицами, пиар-кампаниях, участии в разработке нормативно-правовых актов, борьбе за включение того или иного продукта в госпрограммы и так далее. Например, чиновник ЕС не пойдет обсуждать с вами рабочие вопросы в кафе и будет настаивать, чтобы вы зарегистрировались как лоббист в специальном реестре. После этого вам назначат официальную встречу, которая будет запротоколирована. Вас спросят, сколько денег вы потратили, каких лоббистов нанимали. В России цивилизованного лоббизма никогда не было. В нашей стране речь обычно идет о перераспределении «теневых» финансовых потоков.

— По-вашему, лоббизм — это необходимое зло или, может, наоборот, право граждан?

— Это нечто среднее. Лоббизм — единственный на сегодняшний день инструмент, который позволяет каким-то образом сбалансировать интересы общества и финансово-промышленных групп. Он очень важен для того, чтобы граждане понимали, кто пытается продавить те или иные решения, как на это реагируют органы власти, сколько денег тратится. Чем прозрачнее процесс, тем выше уровень доверия к принимаемым решениям, а это главный смысл любого регулирования. Пример с ренова-

цией в Москве показывает: когда люди не понимают, кто ключевые бенефициары проекта, они ставят под сомнения любые решения органов власти. Естественно, появляются различные спекуляции, невыгодные самим властям. Если бы лоббирование реновации шло, например, на уровне ЕС, то все было бы зафиксировано: кто с кем встречался, кто участвовал в разработке нормативно-правовых актов, возможно, даже сколько денег на это было потрачено.

« Общая сумма трат на продвижение своих интересов за рубежом около 15 российских компаний: РАО ЕЭС, «дочки» Росатома, Сбербанк, Газпром, РЖД составляет 3,3 млн евро. Но это только верхушка айсберга »

— В российском законодательстве нет понятия «лоббизм»?

— В Национальном плане по противодействию коррупции на 2014–2015 годы был раздел, посвященный разработке закона о лоббизме. Все отчитались о выполнении плана, но закона так и не появилось — несмотря на то, что был соответствующий указ президента. В нынешней реинкарнации плана на 2016–2017 годы тематика лоббизма полностью исчезла. Я часто слышу от разных людей, что есть достаточно сильное сопротивление со стороны чиновников и депутатов. Повышение прозрачности тех или иных процессов может лишить их источников доходов, не всегда законных. Лучше, чтобы ты приходил к ним в кабинет, чем действовал через открытые процедуры. В итоге появилась целая теневая отрасль, в которой вращаются гигантские деньги. Точный объем подсчитать невозможно, но, например, в Брюсселе зарегистрировано порядка 35–50 тысяч лоббистов. Даже если мы возьмем десятую часть, то получим минимум 5 тысяч человек, которые занимаются разного рода лоббизмом в России. На самом деле их, конечно, гораздо больше,

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

и многие из них хотят работать по нормальным профессиональным стандартам. — Как устроено регулирование лоббизма в ЕС?

— В европейский публичный реестр лоббистов попадают коммуникационные агентства, пиар-агентства, корпоративные юристы, GR-специалисты — любой сектор профессионалов, которые оказывают какое-то влияние на принятие государственных решений. Если человек

не регистрируется в реестре и ведет кулуарные переговоры, он может лишиться своего статуса или даже попасть в тюрьму. Соответствующие законы приняты на наднациональном уровне — для чиновников Европейской комиссии и депутатов Европарламента. В некоторых странах такое регулирование не требуется в силу высоких этических стандартов — например, в Скандинавии. Есть южноевропейские страны, в которых культура лоббизма, наоборот, граничит с коррупционными практиками. Публичные реестры отсутствуют в некоторых странах Восточной Европы и Прибалтики. И, наконец, есть такие страны, как Великобритания, Австрия, Германия, Нидерланды, где система регламентирована достаточно хорошо. При этом регулирование обязательно осуществляется государством — в ряде европейских стран успешно работают саморегулирующиеся организации лоббистов. В России есть запрос на такие практики со стороны части бизнеса и крупных компаний, в том числе международных, но нет широкого понимания, как это должно работать.

— Можно ли в российской практике отделить корпоративный лоббизм от государ-

ственного, учитывая, что свои интересы за рубежом отстаивают в основном госкомпании?

— Наши госкомпании действительно зачастую воспринимаются на Западе как агенты Кремля. Есть, например, «Северный поток» — это коммерческий проект «Газпрома». Сказать, что он не является частью общей энергетической политики России, наверное, нельзя — тут смешиваются экономические и политические интересы. В последнее время такие ситуации вызывают сильный стресс у европейских органов власти. После санкций продвижение интересов любой российской компании всегда вписано в политический контекст, который играет решающую роль. Но европейский рынок по-прежнему является ключевым для России, его доля в общем товарообороте упала незначительно. Кроме энергетического рынка, это различные инфраструктурные проекты, финансовые институты — например, дочернее предприятие «Сбербанка» в Австрии. Но многие компании не торопятся раскрывать сведения о своей деятельности. Когда представителя «РЖД» попросили прокомментировать присутствие госкомпании в реестре лоббистов, он ответил, что это неправда и такого не может быть. А реестр показывает обратное. Думаю, это связано с негативным восприятием лоббизма в России — госкомпании боятся, что их обвинят в политической аффилиации с ЕС.

— Как иностранный бизнес занимается лоббизмом в России?

— Детально этот вопрос мы не изучали, хотя он очень интересный. Мы видим, что примерно раз в квартал появляется информация о том, что какая-то иностранная компания обвиняется в коррупции в России. На этом ловили IKEA, Hewlett-Packard, фармацевтические компании. Причем все расследования на этот счет проводятся за рубежом, а не в России. Естественно, компании, которые заходят на российский рынок, вынуждены играть по российским правилам, далеким от идеалов этичности и прозрачности.

Арнольд ХАЧАТУРОВ, «Новая»

Еще несколько лет назад публикаций о северокорейских рабочих или северокорейских трудовых лагерях в России было крайне мало, они становились сенсациями и вызывали даже некоторое недоверие. В этом году словно прорвало: в британской и прочей западной печати с весны густо пошли насыщенные репортажными деталями материалы о замеченных на российских стройках гастарбайтерах из КНДР, которых авторы рутинно именуют рабами. 27 июня произошел залп из крупного калибра: Государственный департамент США опубликовал доклад о торговле людьми, в котором прямо обвинил Москву в использовании принудительного труда северокорейских рабочих, что, как было заявлено, приносит Пхеньяну многие миллионы долларов, идущие на ракетно-ядерные программы.

В концлагерь за взятку

Взрыв интереса к этой теме парадоксально связан с приближением чемпионата мира по футболу — трудолюбивых гастарбайтеров из КНДР иностранные журналисты заметили, в первую очередь, на сооружении знаменитой «Зенит-Арены» в Санкт-Петербурге. Впрочем, северокорейцев там, как и в Москве, пока ничтожно мало по сравнению с мигрантами из Центральной Азии. Главная зона использования рабочих из КНДР — восточная часть России, где катастрофически не хватает трудовых ресурсов. Про жизнь северокорейских гастарбайтеров в РФ рассказывают ужасы — по многочисленным свидетельствам, она на самом деле мало отличается от участи узников концлагерей. Однако важно понимать, что это концлагерь особенные — несчастные эки прилагают немало усилий, чтобы туда угодить. Стать командированным рабочим в России — мечта многих жителей Северной Кореи, это ключ к приятным переменам в судьбе.

Цели номенклатуры в КНДР — карьера, казенная машина, квартира в новом многоэтажном доме в Пхеньяне, доступ в валютный магазин, контроль над каким-нибудь фактически частным рестораном или швейной фабрикой. Прорваться в этот круг счастливых большинство населения невозможно. Однако у широких народных масс есть свои пути к маленькому счастью. Например, стать снующим в Китай контрабандистом, что прибыльно, но чревато. Заняться мелкой торговлей, но это требует крыши и некоторого капитала. А можно получить путевку на работу за границу — в Россию или Китай, а то и подальше.

В Китае, конечно, для рабочего из КНДР жизнь понятнее — там много соотечественников-корейцев, легче сориентироваться. Но в России, с другой стороны, вроде бы платят более щедро: по свидетельствам опрошенных японскими журналистами северокорейских перебежчиков, если сильно повезет, можно за три года командировки скопить от двух до четырех тысяч долларов. А то и побольше — в последнее время, говорят, заработки слегка выросли.

Раи на шестой части суши

Жизнь в России гастарбайтеров из КНДР — это концлагерь, но они прилагают немало усилий, чтобы попасть в рабство

Численность северокорейских гастарбайтеров в России оценивают примерно в 30 тыс. человек

На такие сумасшедшие деньги в Северной Корее можно открыть свое небольшое дело — экономика в стране чутье потихоньку, без громких объявлений становится все более частной, нэповской.

Попасть на работу в Россию могут только те, кто доказал свою полную преданность режиму и не вызывает подозрений, — путь туда закрыт, например, гражданам второго сорта, имеющим родственников в Южной Корее. Правильной анкеты мало — отправка в трудовую командировку без взятки соответствующему товарищу невозможна. Вознаградить благодетелей полагается и после возвращения из России, где у северокорейских гастарбайтеров жизнь будет куда более вольготной и сытной, чем на родине. Хотя по западным, да и отечественным меркам она, конечно, все равно будет казаться рабской и подневольной. Кстати, сам характер северокорейской трудовой деятельности в России за последние десятилетия сильно изменился.

Едут только женатые

Еще в 90-е годы это был в основном лесоповал. Например, как сообщали японские коллеги со ссылкой на данные перебежчиков, у станции Тыгда в Амурской области в лагере под охраной сотрудников госбезопасности КНДР вкальвали около 7 тысяч северокорейцев. Рубили сосну, 65% передавали России, остальное вывозили в Северную Корею. Работа — с 8 утра до 10 вечера, месячная норма — 3 тысячи кубометров древесины на человека. Ежегодно в различных инцидентах на лесоповале погибали по 3–4 человека. В хороший сезон заработок дости-

гал 2–3 тысяч долларов в месяц, но в среднем получалось долларов по пятьсот. 70% из них забирало государство — как свою законную долю. Из оставшегося половину принудительно отправляли в КНДР, как бы семье. Важный момент — за границу посылают только людей женатых и с детьми, которые остаются на родине в качестве заложников. Система эффективна, поскольку бегут северокорейские гастарбайтеры из неволи крайне редко. К тому же некоторое время назад Москва и Пхеньян подписали соглашение о выдаче нелегальных иммигрантов, что делает попытку вырваться на свободу еще менее вероятными.

Однако со временем северокорейские лагеря заготовителей леса, в частности под Тыгдой в Амурской области и Чегодымыном в Хабаровском крае, пришли в упадок. Сказалось в том числе повышение пошлин в России на экспорт круглого леса — бизнес даже с использованием батраков из КНДР стал невыгоден. Но северокорейские рабочие из России не исчезли, просто теперь их используют на других работах — чаще всего в строительстве. Возникла система мобильных бригад шабашников, которые предлагают свои услуги в самых разных сферах. Норвежское издание Josimar со ссылкой на очевидца рассказало одну из таких историй — северокорейский посредник предложил российской стройке на несколько месяцев бригаду из 100 квалифицированных рабочих, готовых, по его словам, работать круглые сутки. Цена — шесть миллионов рублей, четыре из них предполагалось отсылать в КНДР. Сделка тогда не состоялась, но бригады северокорейцев

все чаще замечают в самых разных концах России. По данным перебежчиков, они контролируются солидными товарищами из КНДР, которые сводят к минимуму контакты с местным населением и расселяют своих подопечных максимально изолированно.

Два доллара на цветы для вождя

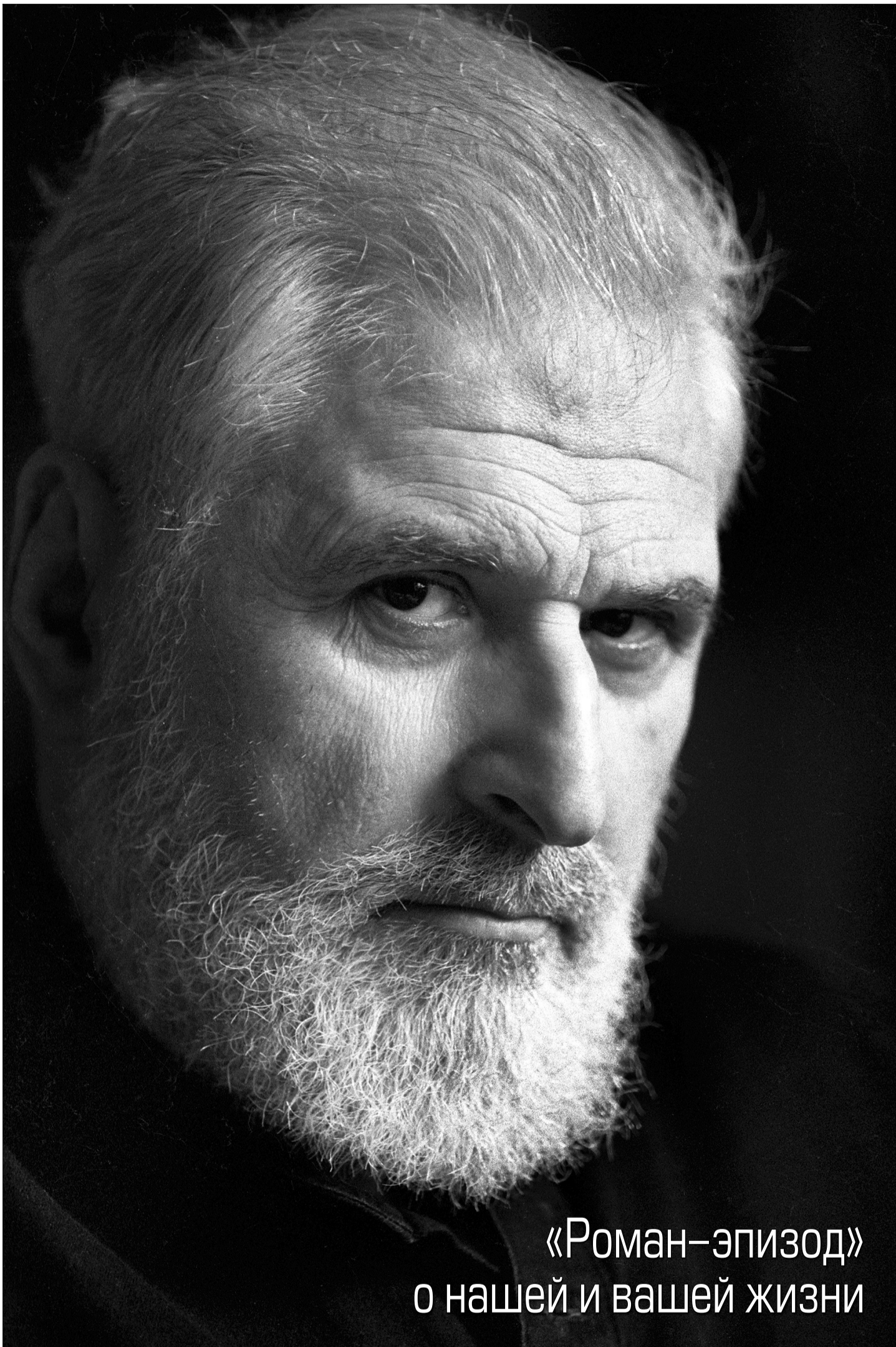
Численность северокорейских гастарбайтеров в России оценивают примерно в 30 тыс. человек. Более 90 тысяч, говорят, вкальвает в Китае. Еще 20 тысяч северокорейцев трудятся в богатых монархиях Персидского залива. Замечали их и в Восточной Европе — есть, например, характерная история про обувную фабрику с участием КНДР в Чехии: на ней в начале 2000-х работали северокорейские женщины за 150 долларов в месяц. 75–80 долларов из этой суммы принудительно отправлялись в КНДР. 40 долларов взымались за общежитие. Один доллар в месяц — за доставляемые самолетом из Пхеньяна партийные газеты. По праздникам с работниц брали еще по 2 доллара на коллективную корзину цветов, которую от их имени подносили к памятнику Ким Ир Сэну в Пхеньяне. Понятно, что многие тысячи долларов при таких поборках не накопишь.

А вот свидетельство от июня нынешнего года: на текстильной фабрике в китайском пограничном городе Дандун трудятся 150 северокорейских девушек — с семи утра до десяти вечера, при больших заказах заканчивают и попозже. Один выходной раз в 15 дней. За пределы предприятия не выпускают, контакты с китайским населением запрещены.

Пхеньян сейчас очень нуждается в валюте — аukaются санкции Совбеза ООН, который после ядерных испытаний и пусков баллистических ракет запретил Северной Корее торговать оружием. Именно такие сделки в прошлом давали КНДР значительную часть долларов и евро. Пхеньян, конечно, всеми силами пытается обойти режим санкций, но доходы все равно падают. Китай в нынешнем году в попытке остановить ракетно-ядерную программу КНДР пошел на жесткую меру — прекратил закупать у нее уголь, что приведет к сокращению доходов Пхеньяна от внешней торговли почти наполовину. В таких условиях торговля батраками становится для КНДР все более драгоценным источником валюты — тем более что этот бизнес пока санкциями ООН не запрещен.

Василий ГОЛОВНИН,
зав. бюро ТАСС, —
специально для
«Новой»,
Токио

«Роман-эпизод» о нашей и вашей жизни

На этой фотографии Гоги Харабадзе. В Грузии этой информации было бы достаточно. Известность этого человека соперничает с уважением к нему. Он большой нравственный актер. Смысл этого определения в том, что он, будучи театральной звездой, отказался от сцены, когда ему, романтику театра, показалось, что современное лицедейство перестало отвечать его критериям искусства. В знаменитом Театре имени Руставели он был успешен и востребован настолько, насколько может быть востребованным актер, сыгравший шекспировского Лира. Но он ушел. А профессию сохранил, время от времени являясь на экране с программами, в которых видел честный смысл, среди которых классическая грузинская поэзия и удивляющий многосерийный фильм по Евангелию (режиссер и художник Тимур Сумбаташвили).

Харабадзе не пользовался гримом, но предстал перед зрителями Иоанном, Марком, Лукой, Матфеем. И каждый был наполнен смыслом самого Текста.

Гоги всегда замечательно читал стихи. Русские поэты и переводы при абсолютной чистоте языка завораживали обаятельной грузинской интонацией и тонким пониманием слова.

Грузинская же поэзия — была и остается его призванием. Мало того что Харабадзе на сцене сыграл Илью Чавчавадзе, а в кино блистательно гениального Галактиона Табидзе, он создал звуковую антологию классического грузинского стихотворения.

Масштаб захватил Георгия Езекиевича. У него возникла идея начитать и записать на диски Новый, а затем и Ветхий Заветы! Здесь я поставил восклицательный знак, чтобы вы представили объем и ответственность замысла. Патриарх — Католикос Грузии Илия II одобрил идею Гоги и помог ему в работе. У них давно сложились замечательные отношения.

22

Юрий РОСТ
обозреватель
«Новой»

Знакомство с Патриархом

Я был свидетелем их первой встречи. Мы с друзьями Гоги ехали по Кахетии на праздник Алавердоба в старинный храм. Дорога была узкой, а мы были веселы и ни в какую не хотели пропускать вперед, как нам казалось, партийную черную «Волгу». А когда все-таки прижались к обочине, увидели в окне хорошее лицо совсем нестарого мужчины, который, улыбаясь, перекрестил нас.

Это был Илия, который торопился на свою первую службу в храме Алаверди.

Спустя годы мы с Гоги и нашим любимым другом художником Мишей Чавчавадзе пришли в гости к Патриарху и, напомнив ему нашу встречу на дороге, попросили прощения.

— Но в чем вина? Я помню, что вы уступили нам дорогу.

9 апреля

Я сидел в редакции, когда позвонил Гоги.

— Сегодня по Руставели прошли бронетранспортеры. Наверное, ночью будет. Прилетай!

К этому времени на главном проспекте Тбилиси шел бессрочный митинг. Грузия хотела свободы. На тротуарах и мостовой собрались тысячи мужчин, женщин, детей. Говорили речи (тогда было можно), пели, танцевали. Постепенно от еженощных бдений люди уставали, и толпа редела, но вызывающий проезд по городу боевых машин взволновал горожан. Люди заполнили всю центральную часть проспекта. В Тбилиси были стянуты регулярные войска.

Харабадзе встретил меня на аэродроме и отвез домой. Я взял один аппарат со вспышкой, рассовал по карманам пленку, и мы, прихватив сына Гоги, Георгия, отправились на митинг. Гоги узнавали все, и мы беспрепятственно прошли сквозь толпу к лестнице перед Домом правительства, на площадке которой у микрофона выступали ораторы.

Я достал из-за пазухи аппарат Canon A1 и стал наводить объектив на демонстрантов.

— Не надо, дорогой! — вежливо, но твердо сказал бородастый человек. — Мы не знаем, зачем ты это делаешь.

Гоги отошел от меня к ведущему митингу, и через несколько минут я услышал из динамиков на грузинском и русском языках:

— Друзья! Вместе с Гоги Харабадзе (это было словно пароль) к нам пришел корреспондент из Москвы (имя, фамилия). Доверяйте ему. Вот он.

Вокруг меня образовалось пустое пространство, чтобы меня было видно.

В это время у микрофона появился Патриарх. Он был взволнован и напряжен.

გოგის კრიალა

(Я и Гоги)

Он сказал, что войскам, которые стоят на площади, дан приказ применить силу и любым способом разогнать митинг. Это может быть опасно. Он призвал укрыться за оградой церкви Кашвети.

Люди встали на колени, зажгли свечи и стали читать молитву, слаженно, словно в храме. Да это и был их храм — Грузия. Они были дома и не собирались уходить с площади.

— Я остаюсь с вами! — сказал Илия II. Гоги перекрестился и сказал:

— Иди работай!

Подробности этой ночи — не наша сегодняшняя тема.

После прохода (четыре в ряд) бронетранспортеров, жестокой активности солдат, слезоточивого газа и паники я не мог найти Гоги, хотя мы находились недалеко друг от друга. В то время как меня возле гостиницы «Интурист» атаковали неизвестные, сломав аппарат и погубив одну из пленок, Кахи Кавсадзе (помните Абдуллу из «Белого солнца пустыни») и Гоги Харабадзе открыли двери театра Руставели и прятали там людей, спасающихся от агрессии советской армии.

Ночью мы встретились дома на кухне.

— Все видели, что ты пришел туда с Гоги, — сказала замечательная Бела, жена Харабадзе. — И они могут прийти к нам с обыском за пленками. Отдай их мне. Только заверни в целлофан.

— Куда ты их спрятала? — спросил Гоги, когда она вернулась.

— Я отнесла их к соседке, которая печет торты на свадьбы, чтобы она закопала их в муку. Они не догадаются.

— Ни за что не догадаются, — кивнул Гоги.

Благодаря добрейшей Беле, воспитавшей двоих детей и четырех внуков (три внучки), родилась крылатая фраза.

Консультация профессора

Вячеслав Иванович Францев вышел из соседнего вагона «Красной стрелы» и, прихрамывая, пошел по перрону Московского вокзала в Питере. Поравнявшись с нами, он сказал:

— Днем я на конференции, а вечером Савва Ямщиков (знаменитый искусствовед и реставратор русской иконы и живописи) пригласил в баню в «Асторию». Приходи с другом.

Более развернутой беседе мешали японские девушки, окружившие нас и приехавшие пятью минутами ранее. Накануне в Москве, увидев высокого красавца грузина в шапке «мономаха» и шубе, они обалдели настолько, что одной из них (особо хорошенькой) в утешение на морозе я отдал свою лысеющую монгольскую дубленку. (Из этого поступка можно сделать вывод, что хорош был не только один Гоги.)

— Вы позорите своим поступком нашу страну перед иностранцами, — сказала переводчица.

Теперь дубленку вернули, и авторитет страны восстановлен.

— Кто этот симпатичный человек? — спросил Харабадзе.

— Это Францев — великий сердечный хирург.

— Мне надо с ним проконсультироваться.

Вечером мы встретились в бане гостиницы «Астория», куда мы поселились без всякого блага и взяток, — просто Гоги подошел к девушке-администратору и своим актерским шепотом узнал, нет ли у них для него свободного номера. Дальше, Бог свидетель, что не вру, она не сказала, что мест нет, а спросила его, какого цвета штюф на стенах комнаты он бы предпочел?! Ощущая себя лишним в этом диалоге, я стоял в стороне, словно незнакомый, чтобы не портить эту фантастическую ночь европей-

Потом, приехав в Москву, Вячеслав Иванович восстановит свое реноме в глазах Харабадзе, отлучив его от гипоталамического синдрома с вегетосудистыми срывами настолько, что и сам выпьет стаканчик-другой, сидя за столом в тбилисском доме, куда пригласил его Харабадзе.

Крылатое выражение

Теперь время вспомнить о крылатом выражении Гоги.

В разгар застолья с любимыми друзьями — художником Мишей Чавчавадзе, архитектором Лело Бокерия, документалистом Колей Дроздовым, режиссером Отаром Иоселиани, детьми и мной — Францев строго (он бывал замечательно строг) спросил:

— Гоги! А почему Бела не сидит с нами за столом?

— Слава! Ты хачапури любишь?

« Наши с Гоги круги и дома переплелись. Мы жили и живем в ожидании общения с друзьями для подтверждения жизни »

ского сочельника. «Голубой устроит?» — спросила она. «Да, именно голубой». Он улыбнулся, и я подумал, не поискать ли мне на сегодня где-нибудь ночлег.

В этом номере я сфотографировал Харабадзе в роскошном синем бархатном костюме (о нем мы вспомним) и босым.

Гоги долго искал момента для консультации с медицинским светилом, и наконец он наступил, когда Вячеслав Иванович остался в парилке один, пока мы с Саввой пили чай (!).

— Профессор! — сказал Гоги. — Дело в том, что у меня гипоталамический синдром с вегетосудистыми срывами. Я уже долгое время не могу выпить даже стакан вина.

Тут Вячеслав Иванович с интересом посмотрел на собеседника.

— Рассказывайте!

— Я актер. Однажды, когда я играл Эдипа в Метехском театре, с колосников на меня упал прожектор и по касательной ударил по голове.

— Ты доиграл?

— Доиграл.

— Молодец! — сказал Францев, пожал руку и быстро вышел из парилки.

— Кто это? Он что, правда, доктор медицины? — возмущенно спросил меня Гоги.

— Люблю, — ответил Францев.

— Или Бела, или хачапури, — произнес Гоги.

Как устроены наши грузины

Несколько раз в год я ездил на Курский вокзал встречать четырнадцатый, если мне не изменяет память, поезд Тбилиси — Москва. Там, в вагоне № 7, от Гоги приезжали ящики с домашним и заводским вином, которые потом размещались на балконе, с целью быть выпитым с московскими и тбилискими друзьями.

Наши близкие грузины устроены так: когда ты приезжаешь в Грузию, они накрывают стол. Когда они приезжают в Россию, они все равно накрывают стол.

Почти у каждого живого человека есть (или был) свой друг-грузин. У актеров, у партийцев, у ученых, писателей, кровельщиков, врачей, инженеров... У всех, кто хоть раз побывал в этой стране. Почти, я написал. Кажется, у премьера и президента друзей там не было, и они не испытали, наверное, нашей любви. В этом их проблема. И наша.

Однако доверительные связи, которые притирались и вытерпливались

более двух веков, не удалось разрушить войной и великодержавным хамством. Запас тепла по обе стороны Кавказского хребта не израсходован. Самолеты с российскими визитерами переполнены. В тбилисском аэропорту напряженных путешественников ждет неожиданность — улыбка, мгновенный проход границы и бутылка вина, если праздник.

Наши с Гоги круги и дома переплелись. Мы жили и живем в ожидании общения с друзьями для подтверждения жизни.

Он любил моих родителей, я — его. Когда-то я приехал к Гоги, и его отец, Езекия, которого все звали дядя Жора, спрашивал меня:

— Ну что там в правительстве? Давно был в Кремле?

И хотя я не был в Кремле даже на экскурсии, приходилось рассказывать ему анекдотические слухи. Он был когда-то достойным хозяйственником. Попытка всучить ему взятку хоть тушей барана (раз он не брал деньги) закончилась для барана плачевно. Дядя Жора выбросил его с балкона прямо на улицу Барнова. Он всегда ругал правительство, московское и грузинское, и научил этому занятию своего сына, хотя, думаю, барана Гоги выбрасывать бы не стал.

Двадцатилетний коньяк

Гоги подарили бутылку виноградного спирта. Набрал бутылок 0,7 из-под вина он принялся изготавливать коньяк, вливая в разбавленный спирт расплавленный на свече в столовой ложке сахар и чуть добавляя ванили. Бутылки он снабжал адресными этикетками: «Славе Голованову», «Серее Юрскому», «Мите Чуковскому», «Славе Францеву», «Серее Бархину», «Гие Данелии», «Белле и Боре» и т.д. Всего 16 штук.

В момент закупоривания заглянул Отар Иоселиани.

— Вот, — сказал Харабадзе, — на заводе мне дали двадцатилетний коньяк. Хочешь попробовать?

Иоселиани взял коньячный стакан, поплескал в нем по кругу напиток, понюхал и выпил.

— Это хороший коньяк, — сказал он, к этому времени часто живавший в коньячной Франции.

В это время в комнату вошел Мишико Чавчавадзе, и Гоги повторил ему легенду с двадцатилетним коньяком. Миша не стал требовать специальной посуды. Он выпил рюмку и сказал:

— Гоги! Много сахара положил.

Отар привез эту посылку в Москву.

— Я хотел познакомиться с человеком, — сказал он, — которому коробку с Гогиным коньяком до самолета тащил сам Мишико Чавчавадзе.

И мы познакомились. На всю жизнь.

День рождения

Утром позвонили из Тбилиси Гоги.

— Мы с Мишей и Лело зашли в хинкальную, чтобы отметить твой день рождения.

Я жил тогда на Беговой, в однокомнатной квартире, куда набилось человек тридцать. Многие были мне знакомы. А с кем-то познакомился тут же. В четырехметровой кухне на полу сидела симпатичная чукча и устрашающим ножом строгала замороженную рыбу. Оказалось, что это президент (по-нынешнему) Чукотки, чудесная умница Анна Нутэтэгринэ. И только мы с ней разговорились, как входная дверь открылась, и я увидел Гоги, Мишу и Лело. В Москве. На Бегах.

От неожиданности и радости бухнулся на колени. Не стыдно.

— Как вы?

— У меня — ни репетиции, ни спектакля. Встретил Мишу. У нас сорок рублей было. У Лело тоже сорок. Остальные взяли в долг.

— Как будто, — засмеялся Миша.

← СТРАНИЦЫ 14–15

Поросенок героя для героя

— Это не первый раз, когда ты угощаешь достойных людей ворованной на чужих банкетах закуской, — с фальшивой укоризной сказал Харабадзе. — Вспомни жареного поросенка для Беллы Ахмадулиной.

Мы сидели в сэвовской гостинице «Мир» на роскошном банкете в честь юбилея Героя Соцтруда поэта Ираклия Абашидзе. Столы были полны вкуснейшей грузинской еды, и через каждые три метра на блюдах лежали жареные поросята. Целиком. Когда официальные речи закончились и началось застолье, официанты стали забирать поросят, чтобы, раздала их, вернуть гостям.

— Слушай, Гоги, нас пригласили к себе Белла и Боря. Там, в мастерской у Мессерера, в гостях тоже Герой Соцтруда, тоже поэт и тоже Абашидзе, но уже Григол. Ты же знаешь, они с Ираклием в ревностных отношениях, потому его здесь нет. Посидим немного и пойдем?

— К Белле с пустыми руками?! — вскричал Гоги, свирепо подняв бровь. — Минуточку! (Это уже официанту, который потянулся к нашему поросенку.) По традициям грузинского застолья один поросенок не должен быть тронут ножом. Он олицетворяет целостность круга друзей, которых пригласил столь уважаемый человек.

Официант недоуменно посмотрел на красивого, представительного, идеально одетого для торжества бородастого грузина, поставил блюдо и удалился.

— Что ты придумал, Гоги? — спросил наш сосед по столу и товарищ Виктор Мишин, бывший в ту пору первым секретарем ЦК комсомола.

— Мы придем к Белле и угостим Григола Абашидзе поросенком, украденным со стола Ираклия Абашидзе. Красиво? И ты, Максимыч, нам поможешь его вынести. На тебя никто не подумает.

И на него, действительно, никто не подумал.

— Как мы вам рады, ребята! — сказала лучезарная Белла. — Григол, Боря, посмотрите, что они принесли. Где вы его взяли в это время?

— Сам пришел, — неожиданно смутившись, сказали мы.

У Примаченки

Есть такое украинское слово — щірость. Это вроде щедрости, только больше относится к душе. А украинский я вспомнил потому, что мы с Гоги приехали в село Болотня, недалеко от Чернобыля, к гениальной украинской наивной художнице Марии Примаченко, с которой я дружил много лет, а Гоги стал своим с первой минуты.

— Сколько ей, под восемьдесят? Я ее люблю, она настоящая женщина. Понимаю Сержика Параджанова, который опекал ее.

Мария Авксентьевна, опираясь на костыли, которые сопровождали ее с детства, с редкой улыбкой смотрела на Харабадзе. Было видно — понравился. Она даже хотела его женить на аккуратненькой односельчанке, обманувшись из-за седеющей бороды в возрасте «жениха». И потом от смеха утирала слезы, узнав, что «невеста» чуть не два раза его старше.

Вернувшись в Тбилиси, Гоги пришел к своему приятелю — заведующему складом Лавки художников Алику Гургенадзе:

— Голландская гуашь у тебя есть?

— Только для членов президиума Союза.

— Давай всю! Марии Примаченко пошлем.

— Нет, Гоги, убей! Всю не могу. Давай председателю один комплект все-таки оставим.

Этими красками Мария работала больше года.

Эпизод без песен в темноте

Мы сидели в темной, холодной квартире Гоги Харабадзе. Электричества нет, газа нет. Время такое. На столе вино, лобио, хлеб. Празднуем встречу.

— Мне позвонил человек, — говорит Вахушти Котетешвили, поэт, собиратель грузинского фольклора и кровный брат нашего друга Славы Голованова. — Шутит в трубку: это бочка Диогена? Нет, дорогой, это Диоген без бочки.

Дом Вахушти сожгли во время гражданской войны 92-го года.

— Несмотря на то что поиски независимости подтолкнули грузинских руководителей сократить изучение русского языка, я прочту вам Цветаеву, — говорит он.

Я — страница твоему перу,

Все приму. Я белая страница.

Я — хранитель твоему добру:

Возвращу, и возвращу сторицей...

Хриплый голос, свет свечи...

Гоги на месте тамады во главе стола говорит:

— Они убрали русский язык из школьной программы. Дети не смогут читать Пушкина и Гоголя в оригинале. Кому от этого хуже — Гоголю, Пушкину?

Он нанял учителя русского языка своим внукам, чтоб они не потеряли великую связь культур и наши связи сохранили.

Гоги в разгар антигрузинской истерии в России записывает диск переводов и стихов, посвященных Грузии, написанных русскими поэтами. Пушкин, Лермонтов, Есенин, Пастернак, Окуджава, Бродский, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Мандельштам.

Мне Тифлис горбатый снится.

И мне, и мне.

Миша Чавчавадзе, художник и лучший человек, у которого тоже разрушили дом, сказал:

— У меня ничего нет, но даже то, что осталось, тяготит меня, если мешает общению с друзьями. Юра, береги свои отношения со Славой Головановым, с Сережей Юрским, с Митей Чуковским, со Славой Францевым, Саввой Ямшиковым... Они связывают не только тебя с ними, они связывают нас.

Мудр Миша, точен Гоги, горек Вахушти, нежен архитектор Лело Боке-рия:

— Надо беречь добрые заблуждения. Мы и берегли. Казалось.

Объяснение с читателем

Дорогой читатель. Наверное, начинать бы надо сначала. Но я решил историей нашего знакомства с Георгием Езекиевичем Харабадзе закончить эту текст, открыв его для продолжения.

Вы же многое знаете о нас. И может быть, будет интересно узнать, как нас свела судьба.

Как я его нашел

— Я не могу спать у окна, — сказал Андрей Миронов.

— А я могу.

Тогда я мог спать где угодно. Это был 72-й год. Мы с любимым артистом миллионов приехали в Брест на автобусе, чтобы присоединиться к другим участникам группы поддержки советских олимпийцев на Играх в Мюнхене. Я, командированный газетой и приглашенный заведующим отдела спорта, олимпийским чемпионом по борьбе Александром Ивановичем, должен был в Олимпийской деревне выпускать фотолитки, а Андрей вместе с другими известными певцами, композиторами и артистами поднимать боевой дух команды. Кроме нашего «Икаруса» в Германию направлялся и автобус с грузинской «делегацией молодежи».

Сэкономив на билетах и посмотрев дорогу, мы прибыли в Брест, где ко-

мендант общежития назвал нам номер комнаты.

Моя кровать — у окна — была свободна, а на той, что выбрал Миронов, поверх одеяла лежал одетым незнакомый нам грузин.

— Это моя постель, — нервно сказал Миронов.

— Ваша? — вежливо спросил грузин.

— Да, моя!

Молодой человек встал, оказавшись чуть не на голову выше Андрея, аккуратно скатал постель в валик и с очаровательной улыбкой протянул Андрею:

— Возьмите!

Как странно. С Мироновым мы остались всего лишь добрыми знакомыми, а с грузином случилась огромная, полная радости (нет, мало), счастья, драм, обретений, невыносимых (хотя отчего же — я жив и он жив) потеря и сказочного общения.

Когда заслуженный артист России поднял с постели заслуженного артиста Грузии (это потом они стали народными), он не знал, что Гоги Харабадзе уже давно блистает в знаменитом Тбилисском театре имени Руставели и сыграл вторую главную роль в фильме Отара Иоселиани «Листопад». А когда узнал, смутился и с присущим ему обаянием обратил случай в анекдот и обнялся с грузином, который ответил сердечной, но все же слегка ироничной улыбкой.

— Георгий! — Кричал я при остановках наших автобусов в Польше, Чехословакии, ГДР.

— Георгий! (Юрий — тот же Георгий) — Кричал мне Харабадзе, выйдя из своего автобуса и распахнув руки.

Больше мы, кажется, до Мюнхена друг другу ничего и не сказали. А в Мюнхене во время Олимпийских игр не виделись.

Есть люди, молчание с которыми невыносимо. Тогда я забалтываю тишину, опасаясь потери контакта с собеседником, словно в чем-то виноват перед ним. (А часто, действительно, виноват, и не только перед женщинами.) Я разговариваю, накапливая отношения, чтобы, освободившись от преследующей меня опасности, обидеть идущего рядом, сохранив возможность комфортно молчать, оставшись наконец наедине с собой.

Три «О» тяготят меня, но я искусно и, поверьте, искренне пытаюсь избавиться от **Обстоятельств, Обязанностей и Обязательств**, тем не менее подчиняясь им, чтобы заработать право на свободу уединения, которая скоро начинает тяготить не меньше вынужденного общения.

И только с людьми, к которым испытываю внезапную или выдержанную любовь, а не чувство долга или необходимость поддерживать добрые, ну пусть хотя бы приличные, отношения, мне комфортно и легко идти, ехать вдвоем, лететь или плыть по морю, пережить дождь, писать смешные вирши, печатать необязательные снимки или на остановке автобусов по дороге в Мюнхен искать глазами высокого красивого человека, чтобы с радостной улыбкой кричать ему: — Георгий!

Кофе на экспорт

Мы встретились на обратном пути словно друзья, прожившие большую жизнь вместе. Вероятно, так оно и было, просто мы об этом не знали. Теперь у нас образовалось общее прошлое — Игры.

Наш друг Андрей Миронов, решивший после нападения террористов на Олимпийскую деревню вернуться в Москву самолетом, оставил мне целый мешок кофе арабика в зернах, с изображением дымящегося кофейника на двухсотграммовых целлофановых пакетиках. Мол, поедете через ГДР, Чехословакию, Польшу — продадите товар и выпьете за мое здоровье. Он взял с собой кофе, полагая его реализовать в ФРГ и купить билет на гремевший тогда мюзикл Cats («Кошки»). На спектакль он сходил и так, а спроса на советский кофе не обнаружил. Был там кофе, оказалось.

Большой пластиковый пакет, хоть и был с модной картинкой Marlboro, тяготил меня, поскольку стараюсь избавиться от лишнего, хотя оно порой прибавляется, украшая жизнь чудесным мусором.

На первой же остановке в ГДР мы с Гоги сложили кофе в полупустой его чемодан, где, кроме подарков детям, рубашек и белья, лежал темно-синий бархатный (тогда!) костюм, подаренный дочерью экзарха средневропейского.

Про террористов он все знал и был этими событиями подавлен, а об Олимпийских играх я ему рассказал по дороге к дому знаменитого немецкого артиста Экехарта Шаала, куда он меня позвал, убедив, что и сам актер, и его жена (дочь Бертольта Брехта) будут рады и мне. Тем более что мы полагали выпить за здоровье дарителя кофе, Андрюши Миронова, не откладывая.

Утром я нашел себя на большом кожаном диване в кабинете знаменитого писателя. Вообще-то мне тогда, в отличие от известных любителей полежать на кроватях знаменитостей, было не важно, где спать, разве что с кем.

Так ГДР остался без кофе, да и в Чехословакии в этот раз мы не отличались живостью, зато в Польше, где, как говорил мой попутчик по автобусу Саша Броневицкий, можно было продать все. Завернув товар в узел из банного полотенца, мы отправились на торговую сессию. Гордый грузин, впрочем, согласился лишь сопровождать меня, не участвуя в реализации контрабанды.

Смущаясь, я спросил хозяина первого попавшегося кафе, не нужен ли кофе, и, услышав оскорбительно низкую цену, вышел с пылающими от стыда ушами.

— Слушай! — сказал Гоги. — Мы честно выпили за Миронова, как он просил. А торговать кофе — позорное занятие.

И, вернувшись к автобусу, мы заполнили чемодан Гоги десятками пакетиков арабики.

— У экзарха есть дочь? — спросил я.

— Видимо, есть, — сказал Гоги, укладывая сверху темно-синий бархатный костюм.

До родины оставался один перегон. А мы в московском автобусе так поиздержались, что наскребли мелочью лишь 34 злотых. Столько стоила бутылка самого дешевого вина (мыслимо ли на весь автобус?), но в хозяйственном отделе я увидел, что за эти деньги можно взять две поллитровки замечательного нежно-лилового цвета денатурата, и никакой очереди.

В советское время в магазинах бытовой химии было запрещено продавать разно-

На снимке (слева направо): автор, Оtar Иоселиани, Михаил Чавчавадзе. Возлежит — Георгий Харабадзе

ГОГИ

образные средства на основе метилового спирта. Во всем социалистическом лагере. Помните чудесный анекдот? Приходит мужчина в хозяйственный магазин и спрашивает продавщицу:

— Зинаида, политура есть?

Она отрицательно качает головой.

— А «БЛО» для мытья окон? А пятно-выводитель «Ромашка»?

Та же молчаливая реакция.

— Значит, ничего легонького?

С двумя бутылками я вошел в автобус и обратился к доценту Первого мединститута Владимиру Цомыку:

— Пастер, чтобы уберечь человечество от гибели, испытывал лекарство на себе. Мы — твоё человечество, Вова!

Отважный поступок советского уролога вселил надежду на лучшую жизнь мужскому населению автобуса.

— Можно! — сказал он, отхлебнув технического средства. — Но только после пересечения нашей границы.

Это лирическое отступление нужно было для того, чтобы скоротать время в пути до брестского пункта пограничного досмотра, куда, кстати, мы приехали все живые и где читатель вновь встретится с Георгием Езекиевичем Харабадзе, автобус которого причалил след за нашим к длинным низким столам, обитым кровельным железом. Москвичей досмотрели формально: яд, оружие, валюта есть? Яд был уже внутри, валюты и оружия не было. Гуляйте.

В грузинский автобус вошла целая команда таможенников.

— Это чей чемодан? Это, это?.. А это чей, я спрашиваю?

Руководитель группы, секретарь ЦК комсомола Грузии (впоследствии наш друг)

Нугзар Попхадзе подошел к Харабадзе и страшным шепотом спросил его:

— Гоги! Это твой чемодан? Что там? Не позорь республику!

— Хозяин чемодана, на выход!

Гоги смущенно и неохотно пошел за толпой таможенников к металлическому столу. Там уже стояли зрители, жаждущие разоблачения.

— Открывайте!

Он долго искал ключ, накаляя атмосферу. Предвкушение крупного улова захватило и служивых, и любопытных. Попался, грузин. Харабадзе скорбно, но достойно стоял над чемоданом. Ну, попался. Что делать. Наконец он отомкнул замок и поднял крышку. Зрителям открылся вид на синий бархатный костюм, подаренный дочерью экзарха средневропейского.

— Под ним, под ним! — нервно сказал старший.

Жестом факира Гоги резко поднял костюм, и глазам собравшихся открылся внутренний объем чемодана, чуть не до краев заполненного фирменными советскими пакетиками кофе арабика по 90 коп. каждый, с изображением кофейника.

Таможенники, лучше других знавшие, что автобусы проехали в одну сторону три страны, где можно было все это продать, и в другую три, замерли в недоумении.

Старший взял пакетик в руку и, повертев его, спросил севшим голосом:

— Что это?

— Кофе, — ответил Гоги.

— Но почему?

— Очень кофе люблю.

Он закрыл чемодан и пошел в автобус.

— О, Гоги! Шени деда... — с восхищением сказал Попхадзе. Реноме республики не пострадало.

Как я его потерял

К друзьям я всегда был привязан больше, чем к родственникам, может, от того, что достоинства и недостатки наши были общим добровольным выбором, а род-

ственники, хоть бы они были обсыпаны сахаром, — все-таки принуждение к общению. Да, собственно, их у меня и не было. Мама, папа, сын, теперь внуки, два уже отдаленных брата, сводный и двоюродный, — это не родня, а родные. А так, разве что второй муж первой жены моего отца и дальняя то ли тетка, то ли сестра... — приятные люди.

Мои привязанности и связи, то есть чувства, никогда не засвечивали изображение. Правда, скрытого для других, потому что все, что наблюдаю и фиксирую, — не проявляю (ношу в себе такой вот фотографический перевертыш). Ни корректировать, ни исправлять на свету скрытое изображение не стремлюсь. Правда, женщин и существующий строй в поисках совершенства иногда донимал словами и претензиями. Но почти всегда безрезультатно. Впрочем, не роптал — само из чего собран?!

Как меня опровергнуть и улучшить, если я вежливо упрям, слушаю многих, слышу некоторых, полезные советы хотя и принимаю (часто чтоб не спорить бессмысленно и не портить отношения своими устными словами), не оспариваю очевидные для меня чужие заблуждения — своих хватает — и оставляю дверь открытой, как в «Пер Гюнте». А в ночной (равно как и в дневной) бессоннице опровергаю бесконечными повторами свою толерантность, чтобы принять при пробуждении решение, которое выглядит как осуществление предложенного мне, однако на самом деле является результатом, спровоцированным мной самим.

Понятно? Ну, в общем, накануне Олимпийских игр в Мюнхене я ушел из дома и довольно долго потом тынялся по чужим квартирам и случайным ночлегам в разных местах. Эта одиссея, обогатившая жизнь близким общением с моими замечательными друзьями, заслуживает отдельного текста. Не сейчас.

Мне рассказывали, как очень известный музыкант и учитель музыкантов, красивый мужчина (никаких аналогий), вел класс в консерватории, окруженный поклоняющимися ему учениками, как вдруг без стука распахнулась дверь и в нее буквально влетела эффектная кавказская женщина. Она рванулась

к маэстро и, молча влив ему пощечину, покинула комнату.

Ученики замерли от ужаса.

Профессор крутнулся на стуле от инструмента и, вскинув руки, торжествующе воскликнул:

— Свободен!

Пересев в Бресте из автобусов в поезд, мы прибыли на Белорусский вокзал, где на перроне среди встречающих я увидел с цветами жизнерадостную жену, которая сказала, что по поводу возвращения позвала на вечер друзей. «Выстрелов в Сараево не было, Первая мировая война — ошибка!» Но я-то точно знал, что Гаврила Принцип стрелял в эрцгерцога Фердинанда. Тем не менее друзья званы (к тому же и сапоги на платформе в подарок все еще жене куплены) — зачем портить праздник демонстрацией принятого (зафиксированного, но не проявленного пока) решения. Я пригласил на вечер Гоги, где в шутку, от зажима, представил его моим и будущим его, как окажется, близким друзьям олимпийским чемпионом по баскетболу Зурабом Саканделидзе. Он подыграл мне, но, почувствовав стратегическую ложность ситуации, скоро и тихо ушел, без обиды, как я надеялся целых два года, что мы не виделись, ни адреса, ни телефона вторых не оставив. А я остался корить себя за неточность поведения.

Неудачное совпадение человек называет роком, даже эпитет придумав ему постоянный — «злой рок». А как назвать счастливое совпадение, когда внезапно, непридуманно, неожиданно — и на долгие лета, и вокруг песни, грузинские (!) песни, встречи, голова в грудь, слияния твоих и моих друзей в общих, и заботы о них, и их о тебе, и общее горе потерь, и застолья, и жизнь без укоров, без упреков (их заменяет юмор), и только порой боль, а потом ясный свет и принятие с благодарностью всего, что с нами может произойти, и даже обиды, возникающие порой, чтобы о них никогда не вспоминать?..

Называйте как хотите.

И вот обещание этого всего (и это не всё!), приготовленное не тобой, оказывается сведенным в одно время — августовский вечер 1974 года в одно место — ресторан старого Дома актера на углу Пушкинской площади, куда я до этого никогда не ходил, а тут зашел, и он, приехав в Москву по театральным делам, оказался там с другом — чудесным актером Бадри Кобахидзе. И увидев друг друга, раскрыли объятия: «Георгий!» — чтобы не размыкать рук уже никогда.

Тогда он в последний раз в Москве жил не у меня, а в гостинице «Варшава», где подарил часы Второго часового завода. Эти часы я носил долго, пока, стоя на руле парусной шхуны Te Vega во время шторма севернее Шетландских островов, не рухнул от удара волны на аккумуляторный ящик, и они, разбившись, спасли мне... Ну что могли спасти карманные часы? Не время же.

Объяснение с читателем

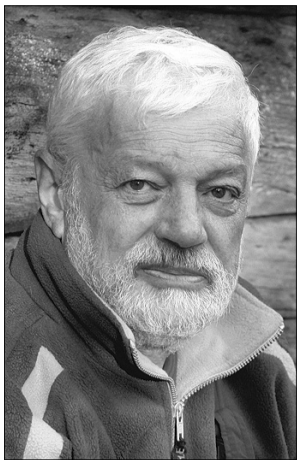
Этот текст о нашей прекрасной жизни, о нашей любви мог быть много больше, но он не уместится в одну «Карту памяти». 45 лет дружбы на бумаге — это не рассказ, это «роман-эпизод» о нашей и вашей жизни. Он продолжается и будет продолжаться.

«Ме да Гоги» — это русская транскрипция грузинского выражения «Я и Гоги». Так говорят в Грузии. И означает это «МЫ».

Вы прочли несколько эпизодов и самое начало. Наши приключения стоят вашего внимания, потому что они пример того, как можно жить рядом, не учитывая расстояний.

Юрий РОСТ,
обозреватель «Новой»

P.S. И еще: сегодня 75 лет нашему другу Гоги Харабадзе. С днем рождения, дорогой! «Новая газета» поздравляет тебя. И любит.

Юрий БРОДСКИЙ изучает Соловецкие острова почти полвека. Вслед за исследованием «Соловки. Двадцать лет особого назначения» (2002) — выпустил книгу «Соловки. Лабиринт преображений» (М.: Новая газета, 2017): об истории островов от доисторических капищ до лагерей УСЛОНа, о ветрах и течениях, пикше и морошке, поморах, иноках, узниках монастырской тюрьмы, о соловецких храмах времен святителя Филиппа как последних памятниках новгородского зодчества и баталии 1854 года. И вновь — о «смыслах островов». О принципе «Сегодня на Соловках — завтра в России»: это наблюдение подтверждалось не раз.

Беседа с Юрием БРОДСКИМ «Точка самоидентификации России» вышла в «Новой» 5 июня с.г. (№ 59). Сегодня публикуем фрагмент книги. Очень важный.

Отдел культуры

«Один памятник для всех сотен могил ровов, ям, в которых зарыты тысячи трупов, должен еще более подчеркивать обезличивание, забвение, стертость прошлого», — полагал Д.С. Лихачев, посетив архипелаг, где следы тюрем и лагерей уничтожались и уничтожаются по мере их обнаружения. Исчезновение материальных свидетельств, напоминающих о монастырских тюрьмах и советских лагерях, завершено. Последний из научных сотрудников, занимавшихся историей мест заключения, уволен накануне летнего сезона 2017 года. На островах де-факто произошло слияние государства и церкви. Федеральное градообразующее предприятие — государственный музей-заповедник — оказался в подчинении у архимандрита Соловецкого монастыря, которому нет резона ворошить неблаголепное прошлое.

Зачем кому-то знать о том, как еще до 1917 года братия заваривала на острове соловецкую свару, создала совет монашеских депутатов и свергла власть архимандрита Ионникия. В 1927 году 112 монахов обители, которую никто не закрывал, числились в составе администрации Соловецких лагерей особого назначения. Они получали обмундирование НКВД первого срока, монашескую пайку, да жалование два раза в месяц по 30 серебряных рублей. Денежное довольствие у братии было меньше, чем у других вольнонаемных сотрудников (иноки не были членами профсоюза), но жалования хватало на содержание неработающих начальников обители.

Священноначалие сегодняшнего монастыря со своей колокольни решает, что и как показывать посетителям Соловков. Правая рука губернатора Архангельской области по развитию Соловецкого архипелага, где фекальные воды сбрасываются в море, требует строжайше лицензировать организаторов туризма и гидов, чтобы любая экскурсионная деятельность проводилась исключительно в русле православной традиции. Этот человек из сонма чекистов, переквалифицировавшихся в администраторы, трудится над формированием концепции отношения к теме сталинских репрессий. Подлинные жертвы — это, оказывается, исповедники веры и новомученики. Причем без упоминания, кем были палачи мучеников.

Когда караван поворачивает назад, впереди оказывается хромой верблюд. Чекист, которому все божья роса, уже договорился до того, что «без новомучеников и исповедников соловецких не было бы победы в Великой Отечественной войне». Никто не подсказал чиновнику, что почитание новомучеников — это, в первую очередь, небезопасное смысловое следование подвигу людей, замученных за неприятие советского режима.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в июне 2010 года во время посещения урочища Сандармох, где в 1937 году были убиты 1111 соловецких узников, свел причины зверств коммунистического режима к утрате большевиками веры в Бога. Ни о каком покаяннии, о вине цер-

кви в приходе большевиков, речь не идет. Вроде бы «неверующий человек может стать зверем, а верующий — никогда». Увы, крестик на шее или партбилет в кармане, как и Gott mit uns на бляхе ремня, не способны сами по себе быть гарантией высоких нравственных качеств.

Бессмысленность истребления миллионов людей в социалистическом лагере признают многие из россиян, хотя это знание не ведет к конкретным поступкам. Если слово «опричник» по указу государя было запрещено и проклято, то понятие «чекист» продолжает жить как гордое самоназвание. Чекистов бывших не бывает. Федор Достоевский называл приверженность идеям клана по должности мундирными убеждениями. Портреты Дзержинского в кабинетах силовиков — демонстрация верности.

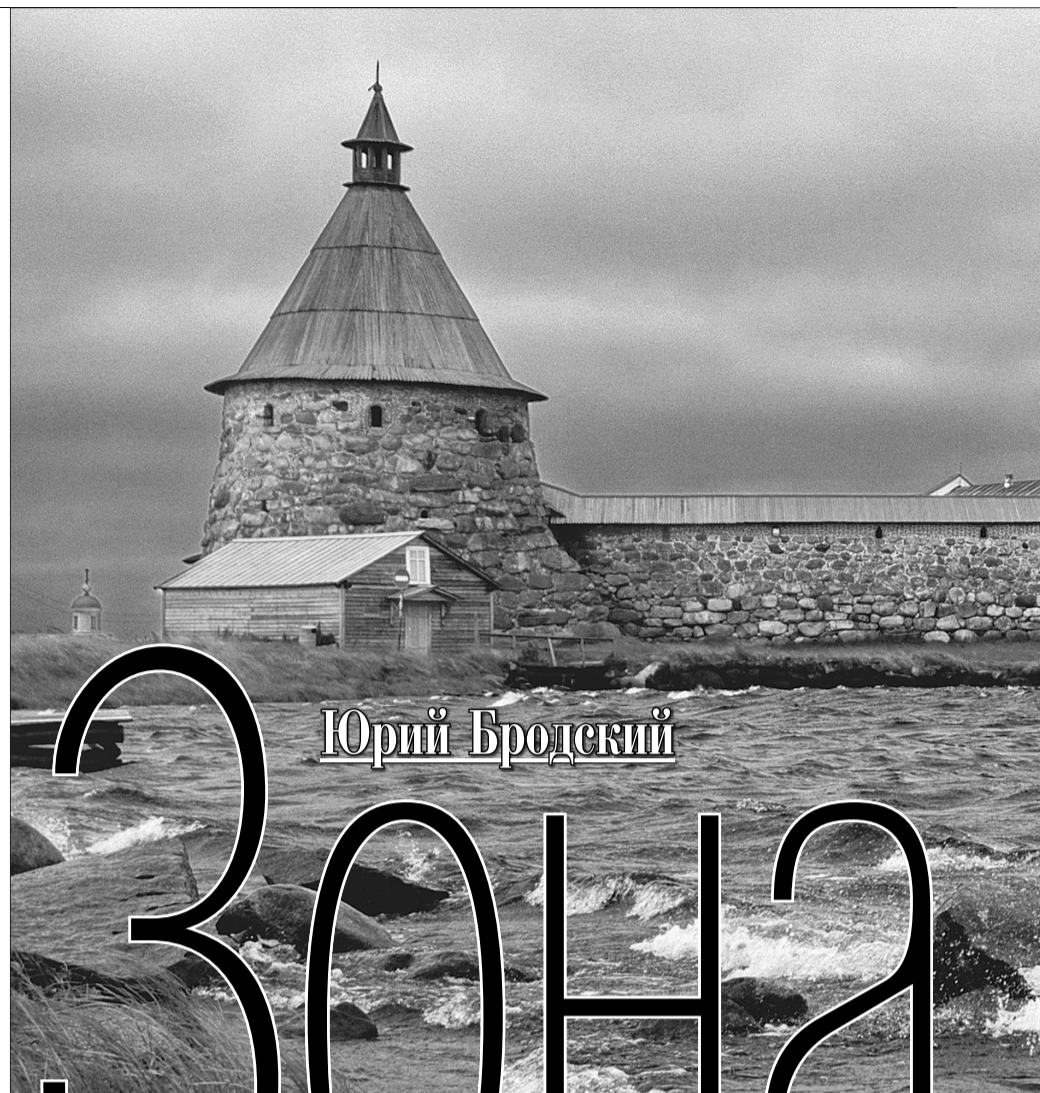
Одной из характерных черт наследников Феликса Дзержинского является озабоченность уничтожением следов преступлений, организованных большевиками. Председатель КГБ СССР Александр Шелепин предупредил главу компартии Н.С. Хрущева в 1959 году, что хранение десятков тысяч дел расстрелянных угрожает расконспирированию операций со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. В актах о сжигании архивов Соловецких лагерей в качестве единицы измерения истребленной памяти фигурируют мешки — десятки мешков с документами.

В декабре 2008 года нелюди в масках захватили офис петербургского научно-исследовательского центра «Мемориал», изъяв архив воспоминаний заключенных Соловецких лагерей. В Архангельске осенью 2009 года оперативники ФСБ изъяли

«Может статься, что, восстановив соловецкие памятники, мы не сможем наполнить их своей духовностью, и это будет крах идеи Соловков»

у профессора Михаила Супруна списки репрессированных, подготовленные для издания «Книги памяти». В декабре 2016 года в Петрозаводске по ложному обвинению арестован глава карельского «Мемориала» Юрий Дмитриев, с именем которого связано обнаружение самого большого тайного захоронения соловецких заключенных, убитых палачами НКВД.

Наследие Ивана IV на Соловках не стало прошлым, тюремно-лагерная страница истории не закрыта. Тюрьмы, устроенные Грозным, не случайно стали фундаментом ГУЛАГа при Иосифе Сталине. На острове, где лагерные бараки числятся жилищным фондом, ретроспектива государственности прослеживается четко. Время показало несостоятельность русского марксизма, но РПЦ, освободившись от большевистской узды, не восприняла, по наблюдению прото-

иерея Георгия Кочеткова, наследие новомучеников и исповедников российских, не изменилась и вновь функционирует по старому чиновничьему образу и подобию.

Действие Конституции Российской Федерации, гарантирующей гражданам отделение церкви от государства, на Соловецком архипелаге де-факто приостановлено в ожидании присвоения островом статуса духовного заповедника. Как известно: «Сегодня на Соловках — завтра в России». «Монастырь на Соловках — это не пустынное монашеское братство, подобное афонскому, а приходская община — единство во

Соловки — не Афон. Реставраторы снесли историческую лестницу вместо замены одной ступени. Под временный кабель раздолбили валуны стены, а рукотворные кирпичные — заровняли под лазерный уровень. Когда к приезду патриарха поспешили поставить в Спасо-Преображенском соборе иконостас, то спилили и выбросили на свалку кованые тяги времен игумена Филиппа. Они мешали установке новодела в южнорусском стиле, сработанного в столичной мастерской Ильгиза Ханова. Свежие иконы пухнут, глотая соловецкую влагу, и выдавливают друг друга из чина, но на такие мелочи мало кто обращает внимание.

«Религиозные постулаты не изменились за столетия, но как люди верили, какое настроение сопровождало их молитву, что творилось в душах этих верующих людей, отражено только в искусстве. Посмотрите на иконостас Спасо-Преображенского собора и сравните свои впечатления с подлинными иконостасами XVI—XVII веков. Это другое искусство. Я не хочу сказать, лучше оно или хуже. Просто старое невосполнимо. Такова и наша вера — она как этот иконостас», — отозвался на освящение соловецкого иконостаса искусствовед А.И. Комеч.

<...> На острове Анзер, отданном монастырю вместе с дорогами и прибрежной полосой, святилище на мысе Лабиринтов искажено новыми выкладками крестов «под старину». На Заяцком острове тверские паломники превратили многолучевую каменную выкладку «солнечная розетка» в крест. А арке окна Спасо-Преображенского собора затерто побелкой предсмертное послание узника Никодима Левкоева на арамейском языке, на языке Христа. Оно не вписывалось в благолепие храма.

В 1976 году в ходе строительных работ нож бульдозера разворочил захоронение узников, расстрелянных в ночь на 29 октября 1929 года. Список убитых возглавляли дворяне — профессор Сергей Покровский и розенкрейцер Вадим Чеховский, мечтавший «принести счастье всем без исключения людям путем овладения магическими

Христе монашествующих и мирян», — говорит в интервью архимандрит Порфирий. В XXI веке на острове кропят святой водой корабли, машины, школьные классы и кабинеты чиновников. Социальная активность новопришедших монахов обернулась вмешательством в жизнь островитян, начиная от изгнания директора школы, пытавшегося ограничить церковную пропаганду в стенах учебного заведения, и до цензуры репертуара фильмов в клубе.

В прежние времена бытовало лестное сравнение Соловков с Афоном. Об этом писали Константин Случевский, Ольга Яфа и другие. Но Дмитрий Мережковский в «Петре и Алексее» устами странника, пришедшего с Афона, указал на причины, кои не дадут поставить соловецкую святыню в один ряд с греческой.

ШУТОК НЕ ПРИНИМАЕТ

Из книги
«Соловки. Лабиринт преображений»

силами Земли и Космоса». Увидев разбросанные останки, Николай Шилов и Игорь Фельдман совершили незаурядный для советского времени поступок: под покровом ночи они собрали кости врагов народа и похоронили их в трех ящиках у устья Данилова ручья, полагая, что на развилке дорог прах никто не потревожит.

О перезахоронении соловчане знали. Антонина Архипова закопала там же жестяную коробку с останками, найденными у южной стены крепости. Многих островитян удивило, когда на развилке появился сруб часовни-крестильни, которой никогда не было в сакральном пространстве обители. Теперь, потоптавшись над прахом Георгия Осоргина, Александра Сиверса и других узников, известных поименно, «матушки» стирают свое исподнее в канале, а паломницы, укрывшись в часовне, совершают там водные процедуры. Грязная вода сливается в Святое озеро.

Женщин, особенно уроженок Молдавии, при мужском монастыре обитает так много, что Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, решил на создание отделения, которое именуется «Покровское женское подворье Спасо-Преображенского Соловецкого мужского монастыря РПЦ (Московский патриархат)». Настоятельницей женского подворья числится мать Раиса Прожога. Монахиня Покровского подворья Никона (Осипенко) руководит обслуживанием потока паломников на острове.

Подчинение Соловецкого государственного музея отцу-архимандриту дало монаху возможность распоряжаться деньгами налогоплательщиков, выделяемыми на содержание памятников архипелага. Следующий этап монастырской экспансии — обретение монополии на эксплуатацию земель архипелага. Реализация генерального 20-летнего плана, созданного с нарушениями правил проектирования на территориях с историческими памятниками, нанесет единственному в России объекту, по восьми номинациям выдвинутому в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, непоправимый ущерб. Под завесой слов о восстановлении духовности внедряет-

ся коммерческий проект строительства новых храмов, часовен, келейных корпусов, гостиниц для паломников, гаражей, транспортных стоянок там, где их прежде не было. Ставка — на прием паломников: их обслуживание является как бы религиозной деятельностью и не облагается налогами.

Татьяна Фокина, директор Соловецкого музея-заповедника в 1998–2000 годах, подсчитала, что на площадях лесных массивов, которые монастырь обрел «для проведения уставной деятельности», можно разместить 40 Московских кремлей с Красной площадью. Захват церковью всех сколько-нибудь значимых земель архипелага ведет к расколу общества на островах и на материке.

Археолог Владимир Буров в монографии «О характере владения островами и статусе Соловецкого монастыря после падения Великого Новгорода» убедительно показал, что монастырь (если даже забыть о явно поддельных грамотах XVI века) утратил право обладания землями архипелага еще в 1479 году. После гибели Новгородской республики острова перешли в собственность Московского Великого князя, у которого монахи «служили», отправляя молитвы за здоровье государя и его семьи. Попытка же объявить землю Соловков не государственной, а монастырской собственностью имела место лишь во времена царствования Алексея Михайловича, когда иноки-бунтари порешили меж собой: «Остров-де наш, а не Великого Государя». Та попытка приватизации земель закончилась гибелью большинства монахов. Государевы стрельцы выбросили тела ослушников в море на лед, обрекая их души на вечные муки. Да только вспышка злобы на острове обернулась гражданской войной на материке.

Раздволюбивые попы, как называл церковнослужителей Петр Великий, от государства отделены не были. Имущество обители являлось частью казенной собственности, которая находилась под присмотром светской конторы, Святейшего синода. Монастырь

столичной власти не мог не подчиняться, но был опорой государства и религии ровно настолько, насколько это было ему выгодно. Соловецкие монахи, блюдя, в первую очередь, интересы собственной общины, способствовали порождению оппозиционных настроений по отношению к церкви и государству — к такому выводу пришел Д.С. Лихачев.

427 Когда Российская империя ушла в небытие в силу бездарности управления, религиозная община на Соловках выжила и сумела вписаться в советскую реальность. Лишенные возможности управлять ресурсами архипелага по своему усмотрению, монахи покинули острова в начале 1930-х. Шестидесять лет спустя возрождением обители занялись фрондирующие сотрудники музея-заповедника. Воспользовались ослаблением гнета партии, несколько музейщиков ухитрились в апреле 1989 года грамотно зарегистрировать на острове общество православных христиан «для удовлетворения религиозных потребностей верующих».

Активистки церковной «двадцатки» нашли себе духовного отца, священника Германа (Чеботаря), поселив его в музейной сторожке у Арсенальной башни. Журналист Игорь Запорожец написал множество писем, доказывая необходимость возрождения Соловецкого монастыря, и своего добился. Осенью 1990 года патриарх Алексей прислал телеграмму, поздравив с возрождением обители. Это был праздник для островитян.

Едва праздники отшумели, многим людям, прилагавшим усилия для возрождения монастыря, стало понятно: что-то пошло не так. «Без оглядки на ошибки, имевшие место в прошлых столетиях, восстанавливаются те же синодальные формы церковной жизни, которые исторически себя не оправдали и привели к катастрофе 1917 года», — выразил свое понимание происходящего архимандрит Зинон (Теодор). Духовник обители игумен Герман, не стесняясь, советует светским барышням убираться, припугивая мутью ангелов с железными прутьями.

Светское население на островах есть явление переходного периода — утверждает генеральный план развития Соловков, пролоббированный церковью осенью 2015 года. По этому плану «исторически функциональному назначению архипелага соответствует роль монастырского населения с привлечением светского на сезонные

работы». Жизнь на острове, переходящем под власть церковников, не дает поводов для оптимизма. «Иноки полагают, будто бы нравственность может быть только религиозной, хотя примеров истинных духовных подвигов в монастыре пока что-то не наблюдается», — сожалеет В.А. Буров, активно сотрудничающий с монастырем.

«Пусть на островах все станет, как при царе! Пусть приезжают только богомольцы, а иноки станут хозяевами острова», — вторит отцу Герману его брат, игумен Зосима, который распорядился устроить картофелехранилище в отреставрированной Портной палате XVII века. Иноки относятся к сюсюканьям ученых по поводу сохранения памятников всемирного наследия весьма раздражительно, не скрывая, что пора «разьюнескаться», то есть порвать с эгидой ЮНЕСКО. Старое соловецкое выражение собственного превосходства: «То у нас, а то — в России!» («Мы — не Россия!») отзывается на материке чванливым: «Мы — не Европа!»

В духе диких традиций богомольцы роятся у дворика перед часовней во имя преподобного Германа в предвкушении чуда. Они истоиво приглашают ладонями 500-рублевые купюры к большому валуну слева от основания арки. Паломников предупредили, что если потерять ассигнацию с изображением монастыря о заветный камень против окон Настоятельского корпуса и опустить ее в ящик для пожертвований, то денежки в кошельках начнут приумножаться.

«Бог не фраер», — говорили в 1920-х на островах, а потом и в России. Этот грубый словесный оборот жиганского наречия, столь сложный для перевода, мой сын понимал еще ребенком.

Эссе Петра Вайля о Соловках заканчивается так: «Одна из героинь фильма «Власть Соловецкая» рассказывает, как впервые за несколько лет на пересылке увидела зеркало. Все женщины бросились к нему, а Ольга не могла найти себя в зеркальной толпе, пока ни увидела собственную мать — морщинистую, седую, и поняла, что это она сама. Так страна, не отрекаясь и не раскаиваясь, не обнаруживает своего отражения, не узнает, не желает узнавать себя в зеркале, разве что в лестном кривом. На Соловках погружаешься не в гармонию, а в красоту и жуть, в безумное варево из природы, архитектуры, религии, истории. Не Освенцим или Бухенвальд, где ни восхищаться, ни умиляться не приходится. Здесь — все разом, все вместе, все можно. Заповедник человека как вида».

Поэт и философ Сергей Морозов, и живший, и похороненный на острове, оставил пророческие слова: «Может статься, что восстановив соловецкие памятники, мы не сможем наполнить их своей духовностью, и это будет крах идеи Соловков. Грядущим поколениям снова достанется только миф».

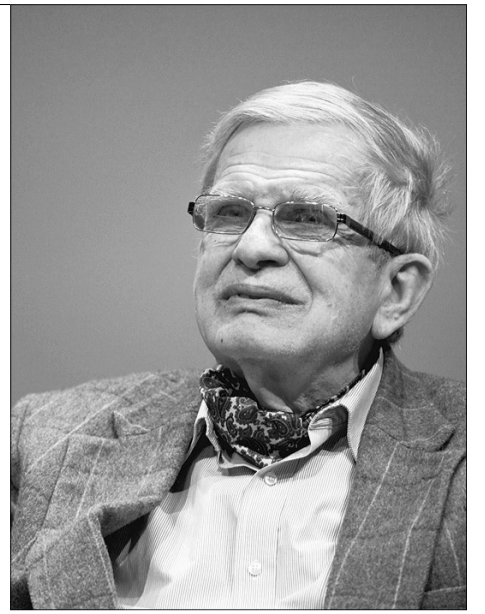
Политика и религия, в отличие от культуры, разделяют людей на группы. Остров, где не хватало земли, чтобы хоронить убитых, — лучшее место, чтобы остановиться и подумать о пройденном пути. Объединить нас может нечто, одинаково важное для большинства людей. Например, память о миллионах, оказавшихся жертвами идеологической нетерпимости. А ныне — молодожены, целующиеся под крики «Горько!» на пятачке расстрелов, как и инокини, стайками летающие на японских снегоходах над рвами со скелетами, не ведают, что творят, ибо никак не отмечены места скорби.

Мне очень близка позиция петербургского профессора, протоиерея Георгия (Митрофанова): «Соловецкому кремлю необходимо придать вид памятника, посвященного одному из величайших преступлений XX века. Монастырь никогда не сможет существовать в прежнем виде без увековечивания в нем памяти трагедии ГУЛАГа».

Томас ВЕНЦЛОВА:

Поэт, публицист,
переводчик,
советский диссидент
представил
в Москве книгу
СТИХОВ И
ВОСПОМИНАНИЙ
Metelinga

«Я пытаюсь пересмотреть некоторые литовские мифы»

Metelinga — это «искаженное латинское «nota linguae»: позорная табличка, которую в XIX веке учитель вешал на шею ученику, заговорившему по-литовски вместо положенного польского (или позднее русского)», — пишет Томас Венцлова. К диссидентству он примкнул, еще будучи студентом, позже не был принят в Союз писателей Литвы как последователь Бориса Пастернака, в конечном итоге был вынужден эмигрировать в Америку, за что впоследствии был лишен советского гражданства. В Москву он приехал для представления своей книги читателям. Помимо стихов на литовском и русском языках в нее вошли воспоминания, письма, интервью, а также уникальные фотографии из личного архива поэта (составила и перевела Анна Герасимова, известная также как Умка — поэт, переводчик и рок-музыкант). Корреспондент «Новой» поговорил с автором о литовской истории, жизни в эмиграции, дружбе с Бродским.

— **С** чего началась ваша дружба с Бродским?

— После возвращения ему было довольно худо в Питере, и друг его, Андрей Сергеев, замечательный переводчик, сказал ему: «Поезжай в Вильнюс, там много хороших людей, найдешь с ними общий язык, отдохнешь». Там мы с ним и познакомились. Бродский был такой человек: если он не принимал кого-то, то сразу, если принимал, то надолго и был очень верен. Мы знали друг друга 30 лет, и для меня это одно из главных событий жизни. Кстати, я провел с Бродским его последний, точнее, предпоследний день в Советском Союзе. Гуляли по Питеру, плавали по Неве на кораблике, разговаривали обо всем на свете. Он тогда говорил: я, может быть, на Западе напишу «Божественную комедию», но поскольку я еврей, то напишу ее справа налево — начну с эмпирея, а кончу адом.

— **Когда вы узнали, что вас лишили советского гражданства, вы почувствовали себя изгнанным или освобожденным?**

— Поначалу у меня была полная эйфория, передо мной открылся интереснейший новый мир. Одно то, что можно видеть Рим, Флоренцию, Афины, было ни с чем не сравнимым. Чеслав Милош говорил мне тогда, что это нетипично: обычно люди в первые годы эмиграции оказываются на дне, тоскуют, погружаются в депрессию. Но я не чувствовал себя бесправным или нищим. Был востребован, меня приглашали в разные страны. На Западе была большая литовская эмигрантская община — например, чуть ли не пятьсот профессоров литовского происхождения, многие из них — уже окончившие американские университеты. Были издательства, газеты, журналы, и я знал, что многие мои публикации попадают в Литву.

Главная проблема была в том, что дома оставались мать, трехлетняя дочь, тогдашняя моя жена, которая не захотела со мной вместе уехать. Я говорил с ними по телефону, и было как-то невесело, когда дочь говорила: «Папа, почему ты так долго не приезжаешь, мне скучно без тебя». Но через пять лет жена и дочь ко мне присоединились, а через одиннадцать я увидел и мать, так как смог приехать в Россию, потом и в Литву.

— **Существование в чужом языке было испытанием для вас?**

— Настоящим американцем я так и не стал. Говорю по-английски, но не очень люблю этот язык. Не чувствую себя в нем дома. А в русском и польском языках — чувствую, как, разумеется, и в литовском. Могу написать книгу по-английски (две написал), но я перфекционист: если что-то делать, то хорошо, а по-английски хорошо писать не умею.

— **В 2016 году в Вильнюсе вышла документальная книга Руты Ванагайте «Наши» — об участии литовцев в массовых убийствах евреев в годы нацистской оккупации, после чего поднялся большой скандал: ее обвиняли во лжи и клевете, от нее стали отворачиваться друзья. Странно наблюдать такое в XXI веке.**

— Многие журналисты пишут, что вопрос об участии литовцев в нацистских преступлениях раздувается Путиным и его секретными службами, чтобы очернить Литву. А я думаю, что по-настоящему вредит Литве тот, кто замалчивает или искажает правду. Если мы об этом всерьез начинаем говорить сами, то тем самым повы-

« Если мы об участии в погромах всерьез начинаем говорить сами, то тем самым повышаем престиж Литвы »

шаем престиж Литвы. Впрочем, как только Ванагайте начали обвинять в клевете, книга стала бестселлером, многие прочли ее и, я надеюсь, что-то поняли.

В Литве в начале войны возникло повстанческое правительство, и когда немцы вторглись в страну, это правительство взяло власть в свои руки. На это Литва — как и, например, Украина — имела полное право: страна может и даже обязана восстать против чужой власти, тем более сталинской. Увы, правительство, оказавшись немецким союзником, сразу развело антисемитскую пропаганду, начались погромы и убийства. Немцы давали руководящие указания, а к могильным рвам евреев гнали скорее литов-

цы. Участники правительства ожидали, что им разрешат создать независимую Литву, которая воевала бы на немецкой стороне, как, например, Финляндия. Думаю, если бы это им удалось, то Литва после войны, увы, перестала бы существовать как государство и даже как этнос. Но не удалось — немцы никакой, даже пронацистской независимости не допустили.

Сейчас в Литве есть политические силы, для которых участники повстанческого правительства — герои. Попытки найти им оправдание и тем самым обелить

ческую задачу удалось только сейчас. Быть в Европейском союзе для Литвы — хорошо и полезно.

— **Но ведь многие стали уезжать.**

— Да, очень многие литовцы видят свое будущее за пределами Литвы. Доктор наук уезжает за границу и чистит там селедку на каком-нибудь норвежском заводе. Для него это далеко не всегда ужас, потому что он получает в четыре раза больше, чем получал, будучи доктором наук в Литве. Многим просто очень важно иметь БМВ, важно иметь просторный дом и чувствовать себя человеком. В Литве, будучи доктором наук, себя человеком не всегда чувствуешь, экономический разрыв между Литвой и западными странами пока не преодолен, и не очень понятно, как его преодолеть. И это печально. Но сейчас это уже не та эмиграция, что раньше. Люди ездят в Литву каждый год, у многих там престарелые родители, которые не прожили бы без их финансовой поддержки. У меня у самого так было, когда я эмигрировал в Америку: моя мать, вдова состоятельного советского писателя, оказалась в тяжелом положении после перестройки, я помогал ей. Меня спросили недавно, что делать, чтобы остановить эмиграцию. Я вижу только один способ: окружить страну колючей проволокой и не давать никому иностранные паспорта. Люди в стране с открытыми границами всегда будут уезжать, а впрочем, и возвращаться, население будет смешиваться, хотя, думаю, этносы не исчезнут — не исчезли же евреи, армяне, ирландцы, у которых диаспора значительно больше, чем население, живущее в своей стране. Это закон сообщающихся сосудов. Но это долгое дело.

— **Вы сейчас пишете «Историю Литвы для начинающих». Что это такое?**

— Я пытаюсь пересмотреть некоторые литовские мифы. Например, миф о том, что Польша для Литвы всегда была вредной и опасной. По-моему, это не так. Пока что я дошел до конца XVI века — остановился на Ливонской войне с Иваном Грозным. К Ивану Грозному я отношусь достаточно плохо, как и большинство русских, во всяком случае русской интеллигенции. С другой стороны, мы, литовцы, очень хорошо относимся к Витовту, но мало кто знает, что Витовт был прапрадедом Ивана Грозного. Я не думаю, что Грозный унаследовал свои дурные качества от Витовта; литовский князь был более симпатичной личностью, хотя тоже всякое случалось. Но эту родственную связь между ними я даже подчеркиваю — в шутку скажу, чтобы наши особенно не задавались: вот у нас великий Витовт, а у этих несчастных русских — злодей и садист Иван Грозный. Они довольно близкие родственники на самом деле.

Александра ПОДОЛЬСКАЯ — специально для «Новой»

убийства — довольно-таки бессовестное занятие. Я стараюсь об этом говорить и писать. Но в Литве было много людей, которых называют праведниками народов мира (они спасали евреев во время оккупации). В Литве их в процентном отношении больше, чем во многих других странах, и это гордость литовского народа. Об этом Ванагайте тоже говорит. Она впервые жестко, честно и подробно рассказала о том, что было на самом деле.

— **Считаете ли вы, что Литва правильно сделала, вступив в Евросоюз?**

— Литва — европейская страна, она стремилась стать частью Запада со Средних веков, хотя полностью решить эту истори-

МОЖНО ЛИ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ЗАМКНУТОГО КРУГА?

Парламентская республика как единственная цель оппозиции

ПЕТР САРУХАНОВ, «НОВАЯ»

**Борис
ВИШНЕВСКИЙ**
обозреватель
«Новой газеты»

Два опасения присутствуют в общественном сознании в преддверии президентских выборов 2018 года.

Первое (у сторонников действующего президента): все в стране держится на Владимире Путине, только он может решать стоящие перед страной проблемы. Его нечем заменить, если он уйдет — все рухнет, настанет полная катастрофа.

Второе (у противников действующего президента): тот, кто придет вместо Путина, в условиях почти уничтоженных политических институтов и «сдержек и противовесов» может очень быстро превратиться в «нового Путина».

Эти опасения вызваны одним и тем же фактором — гипертрофированными президентскими полномочиями, делающими огромную страну заложником желаний, настроения и здоровья человека, занимающего пост главы государства.

Заметим, самодержавная (точнее, самовластная) политическая система, сконструированная сторонниками Бориса Ельцина в 1993 году для того, чтобы «развязать ему руки» и дать возможность править, не считаясь с непослушным парламентом, за последние годы еще усилилась.

Президент, который и до того издавал указы де-факто, имеющие силу закона, единолично назначал и увольнял правительство, мог под угрозой роспуска

навязать Госдуме назначение «своего» премьера, представлял кандидатуры главы Центробанка, генпрокурора и судей высших судов (а всех прочих судей просто назначал), расширил свои полномочия.

Он получил право представлять кандидатуры председателя Конституционного суда, его заместителей, кандидатуры заместителей генпрокурора, согласовывать состав Счетной палаты, отстранять от должности избранных глав регионов, назначать руководителей государственных корпораций.

Маловероятно, что в этих условиях уход Путина, на которого замкнуты очень многие рычаги управления, станет катастрофичным. Скорее это укоренившаяся пропагандистская страшилка, которая должна обосновать его пожизненное и несменяемое правление.

Однако вполне вероятно другое: если власть в стране сменится — тот, кто придет вместо Путина, найдет в президентских полномочиях очень много приятного. И не станет их сокращать (или ограничивать), решив, что уж он-то употребит такие полномочия исключительно на благо.

У него есть право назначать правительство? Ну конечно же, он назначит туда других, куда лучших министров, чем прежние. У него есть право назначать судей? Ну конечно же, он назначит других судей, которые посадят всех коррупционеров. У него есть право снимать губернаторов? Ну конечно же, он снимет единокороссовских губернаторов и поставит честных.

Правда, потом выяснится, что у назначенных им министров преданность новому президенту оказалась большей частью их единственным достоинством. Что назначенные им судьи большей частью принялись сажать не коррупционеров, а противников нового президента.

И что назначенные им губернаторы воруя ничуть не меньше прежних.

То, что раньше нагло забирал дракон, теперь в руках лучших людей города. Государственные заказы почему-то оказываются большей частью у компаний, которыми владеют или руководят друзья нового президента. У бизнесменов, которые финансируют оппозицию новому президенту, почему-то возникают проблемы с правоохранительными органами. Критики нового президента — это враги, злопыхатели, экстремисты, «пятая колонна», финансируемая из-за рубежа.

Наконец, выяснится, что новому президенту надо дать время поработать как можно дольше — потому что он должен не только исправить ошибки своего предшественника, но и привести страну к процветанию. А его уход, как будут уверять его горячие сторонники, станет катастрофой для страны, потому что все держится на новом президенте.

Можно ли вырваться из этого замкнутого круга?

Да, можно. Единственным путем — принципиальным отказом от самодержавия как политического института. Принципиальным отказом от существования единоличного руководителя государства, обладающего огромными властными полномочиями.

Переходом к парламентской республике, где президентского поста нет вообще (или президент — формальная фигура, как, скажем, в Германии или Италии), правительство назначается парламентом по итогам выборов, а партии конкурируют между собой на выборах за право формировать правительство.

В такой системе не возникают ситуации, когда за все отвечает один человек — а значит, реально не отвечает ни за что, потому что не в силах человеческих решать такое количество проблем

огромной страны.

В такой системе невозможно решением одного человека начать войну или потратить сотни миллиардов рублей налогоплательщиков, наделять «друзей» гигантским имуществом или правом класть себе в карман прибыль от добычи природных ресурсов.

В такой системе невозможно назначение одной подписью на высокую должность (с правом принимать решения, меняющие жизнь десятков миллионов граждан) заведомого непрофессионала или проходимца, по принципу «умные не надобны — надобны верные».

В такой системе невозможна концентрация вокруг главы государства подхалимов и льстецов, которые будут рассказывать ему, какой он умный, значительный и великий, как он разбирается во всем на свете и какие мерзавцы те, кто в нем сомневается.

Да, этот переход (связанный не только с конституционными изменениями, но и с изменением ментальности, поскольку власть в стране всегда была персонифицирована) очень непрост. Но иного пути нет — если мы хотим бороться с причинами, порождающими кризис, а не с его неизбежными следствиями.

Необходима не замена «плохого царя» на «хорошего» — необходим отказ от «царизма» как системы. Отказ от президентской модели государственного устройства, введенной в 1991 году исключительно для обеспечения единоличной власти Бориса Ельцина.

Конечно, парламентская республика — не панацея от всех властных бед. Конечно, и в странах с парламентской демократией бывают проблемы — связанные с неустойчивостью коалиций (что ведет к неустойчивости правительства) или с тем, что на парламентских выборах побеждают (и формируют правительство) откровенные националисты или популисты. И все же это куда более гибкий политический механизм, чем президентская республика. Если победившая партия (или коалиция) видит, что политика правительства не поддерживается гражданами и это может привести к неудаче на следующих выборах, — эта политика оперативно меняется.

В России, как известно, любимый аргумент противников парламентской республики — необходимость «сильной руки» для удерживания ситуации в такой большой стране, как наша. Однако такие большие страны, как Канада, Индия или Австралия, прекрасно обходятся без всякой «сильной руки» и давно существуют в форме парламентских демократий. Зато коррумпированные латиноамериканские или азиатские режимы — сплошь президентские республики.

Кандидаты в президенты от оппозиции должны ставить задачу принципиально изменить систему — а не задачу стать «хорошими президентами».

Иначе и дальше будем ходить с завязанными глазами по одному и тому же замкнутому кругу.

Что представляет собой стратегический ресурс Петербурга, в чем его ценность, что мешает толково им распорядиться и как сделать так, чтобы культурное наследие не воспринималось докучливым обременением, а служи-

ло гармоничному развитию города. Ответы на эти и другие вопросы, осмысление зарубежного и отечественного опыта — в проекте «Новой» «Культурное наследие как ресурс развития Санкт-Петербурга».

Дом Вяземского на Каменноостровском проспекте, 58–60

Памятник за рубль, хлопот на миллион

Помогут ли программы льготной аренды спасти ветшающие объекты наследия? Успешный финиш обеспечит только честный старт — информация по проблемным лотам должна быть полной, объективной и доступной до объявления аукциона

Государство не справляется с содержанием и реставрацией памятников — из 160000 объектов культурного наследия России только 15% находится в удовлетворительном состоянии. Ежегодная потребность в финансировании оценивается в 400–500 млрд, а это более чем вдесятеро превышает предусмотренное федеральным бюджетом. В Петербурге свыше 9000 памятников, скольким из них по состоянию можно поставить «неуд», в КГИОП точно не знают. За составление такого перечня взяли лишь теперь, когда Смольный объявил о внедрении схем, призванных привлечь для спасения наследия внебюджетные средства, по аналогии с московской программой «Памятник за рубль». Насколько эффективен столичный подход и стоит ли его слепо копировать, разбиралась «Новая».

Уравнение с кнутами и пряниками

Дискуссии о том, как сделать сохранение и реставрацию объектов культурного наследия (ОКН) привлекательными для бизнеса, тянутся не одно десятилетие. Рецепт за это время вроде бы вполне сложился: эксперты прописывали льготное кредитование для инвесторов, работающих на сохранение памятников, частичное возмещение им затрат, отказ от НДС и другие преференции. Но государство, похоже, все еще не готово к комплексному решению такой задачи и по-прежнему предпочитает административные методы грамотной экономической стратегии. Вице-губернатор Игорь Албин, например,

заявил недавно о необходимости обязать инвесторов реставрировать памятники по аналогии с тем, как их обязывают возводить социальные объекты.

«В среде чиновников стало модно «понуждать к благотворительности», ссылаясь на классические лозунги «Родина в опасности» и тому подобные, — замечает на это руководитель практики по недвижимости и инвестициям частного адвокатского бюро Дмитрий Некрестьянов. — К сожалению, социальная ответственность бизнеса понимается не как создание рабочих мест и оплата налогов, то есть вклад в реальную экономику, а еще и как бескорыстное и ничем не обусловленное желание бизнеса за свой счет решать те вопросы, с которыми чиновники сами не справились. Юридических оснований для идей вице-губернатора, конечно же, нет, и подобные заявления тем более печально слышать от людей, призванных в силу занимаемой должности показывать пример законопослушности и эталона «честной игры».

О предлагаемых Смольным новых механизмах привлечения инвесторов к сохранению ОКН губернатор Георгий Полтавченко доложил в апреле, выступая перед депутатами городского парламента. Это закон о налоговых льготах на имущество организаций за крупные инвестиции в объекты наследия (касается собственников региональных и муниципальных зданий — объектов культурного наследия, если в их восстановлении вкладывается не менее 500 млн рублей в течение трех лет — тогда льгота будет действовать три года; при затратах свыше 1 млрд руб. — на пять лет). Прежняя, действовавшая с 2009 года версия, ставила более жесткие условия (не менее 700 млн — льгота на 1 год, свыше 3 млрд — на три), но этим предложением никто так и не воспользовался. Теперь

в Смольном рассудили, что облегченный вариант вызовет у бизнеса интерес. Хотя и новая редакция вызвала критику. Так, депутат Оксана Дмитриева указала на отсутствие бюджетно-экономического обоснования и неопределенность круга потенциальных получателей таких льгот.

Чтобы закон работал в интересах наследия, депутат Алексей Ковалев считает необходимым распространить льготы лишь на работы по консервации и реставрации, исключив «приспособление для современного использования», — потому что именно под этой маркой зачастую происходят сносы, надстройки и прочие действия, влекущие утрату подлинности. Доводы коллеги поддержал и депутат Борис Вишневский, приведя в пример Дом Рогова: его под предлогом приспособления снесли целиком, неужели таким инвесторам еще и налоговые льготы предоставлять? Для таких случаев, полагает Вишневский, необходимо закрепить в законе автоматическое лишение льгот при нарушении законодательства. Но в окончательную редакцию (будет задействована с налогового периода 2018 года) предложения Ковалева и Вишневского не вошли, ограничилось возможностью лишить права на льготу «по решению суда».

Другой представленный губернатором механизм закреплен в законопроекте «О фонде креативных пространств». Согласно этому документу, арендная плата рассчитывается с коэффициентом 0,01 (то есть составит 0,1% от рыночной ставки) и не менее 70% площадей используется арендатором или субарендатором для оказания услуг в области архитектуры, дизайна, научных исследований, творчества, искусства, образования и развлечений.

Одна из самых удивительных «приманок для инвестора» — Александровские ворота Охтинских пороховых заводов

На таких условиях город готов предоставить помещения общей площадью 200 000 кв. м. В прилагаемый перечень вошли такие объекты, как Дом Брюллова на Кадетской линии, 21, пустующее здание оборонительной казармы в Кронштадте (ул. Восстания, 7), два здания на территории Апраксина Двора (Садовая, 28–30, корпуса 54 и 55) и многострадальный особняк Игеля на Каменноостровском пр., 58–60.

Третий механизм — «аренда за рубль». Соответствующий городской закон власти рассчитывают принять до конца текущего года, за образец решено взять московскую программу «Памятник за рубль», запущенную с 2012 года.

Ударники капиталистического труда

Правила таковы: находящийся в неудовлетворительном состоянии объект выставляется на аукцион, с победителем заключается договор на 49 лет, он должен провести необходимые ремонтно-реставрационные работы (на них отводилось пять лет, но затем решили увеличить до семи), пока они не завершены, действует зафиксированная на аукционе ставка аренды, затем — льготная, 1 рубль за квадратный метр в год. Арендатор может использовать здание по своему усмотрению (за исключением жилья, производств и складов), в том числе сдавать в субаренду. Разумеется, требуется соблюдать закон — ничего не сносить и не строить, не изменять предмета охраны. В Москве за время действия программы передали инвесторам 19 объектов, на девяти из них работы уже завершены, более чем в половине случаев — с опережением срока. Мотивация ударников капиталистического труда понятна: чем скорее поспеют, тем раньше настанет льготная аренда.

«Некоторые вообще за год управились, и такое стремление поскорее выйти на льготную аренду приводило к снижению качества, нарушениям закона и даже переделкам на уже сданных объектах», — говорит один из основателей Архнадзора, член Совета при президенте РФ по культуре и искусству **Константин Михайлов**. — Из удачных примеров могу вспомнить оранжерею XVIII века в Лефортове (она же — Военно-фельдшерская школа). Там были просто голые стены, без декора и интерьеров, вот с таким памятником справились».

Рассуждая о плюсах и минусах московской программы, Константин Михайлов полагает необходимым распространить на включаемые в программу объекты все строгие правила научной реставрации (соответствующий документ подготовлен рабочей группой Министерства культуры по реформированию реставрационной отрасли).

Списали на троечку

Наработки питерских чиновников по внедрению аналогичной практики в северной столице представили на Совете по сохранению культурного наследия. Игорь Албин оценил их критически: «У вас роль статистов — взяли и полностью перепи-

сали московский опыт! — попенял вице-губернатор. — Да и столичные итоги не впечатляют — всего 19 объектов за пять лет. А где ваши предложения, что делать с восемью сотнями петербургских аварийных зданий?»

Откуда взялась такая страшная цифра, непонятно. Например, два года назад обследование территорий «Конюшенная» и «Северная Коломна — Новая Голландия» выявило только один аварийный дом, в отношении еще 20 констатировало признаки аварийности отдельных конструкций.

Согласно докладу главы КГИОП Сергея Макарова, в Петербурге готовы включить в программу 49 объектов. Список формировали на основе предложений районных администраций. Критериев отбора, похоже, не задавалось — в сборную солянку чего только не накидали.

«Стремление поскорее выйти на льготную аренду приводило к снижению качества, нарушениям закона и даже переделкам на уже сданных объектах»

Ушаковские бани, Царскосельский павильон железной дороги в Пушкине, расселенный по ветхости еще в начале нулевых двухэтажный Дом Степанова на ул. Константина Заслонова и даже полуразрушенные Александровские ворота Охтинских пороховых заводов (кому они могут приглянуться и для какой надобности — большой вопрос, к тому же чиновники пока даже не знают, кому этот объект принадлежит). Есть несколько деревянных зданий — например, двухэтажный дом усадьбы Львовой в Петергофе, по которому еще два года назад КГИОП заказывал историко-культурную экспертизу, призванную обосновать ничемность этой исторической постройки (снять с охраны). Другой деревянный собрат — из усадьбы Гана, главного архитектора Петергофа середины XIX века. Многие годы простоял расселенным, в 2012-м районное отделение ВООПИиК выступило с отчаянным предложением — поселить здесь какую-нибудь семью, чтобы следила за домом, пока власти решат, что делать дальше. Разместили предложение в сети, пообещав взять на себя переговоры с чиновниками и все хлопоты по оформлению бумаг, — от желающих отбоя не было, среди претендентов сыскались даже потомки Гана. Но муниципальные власти инициативу не поддержали, и из районной администрации поступил вердикт: «Здание невозможно приспособить под социальные цели», поэтому будет продано на торгах, а пред-

Москва, Настасьинский пер., 8. За право стать арендатором этого дома боролись 6 претендентов, по итогам аукциона стоимость годовой аренды составила 82,2 млн руб. (при стартовой цене 13,6 млн)

варительно надлежит разработать проект планировки территории. Но пристроить этот дом до сих пор так и не удалось.

Из объектов, представляющих куда больший интерес для потенциальных инвесторов, в список попали Дом Вяземского и здание механической мастерской Ветцера (Каменноостровский пр., 58–60, литера В) — вместе с упомянутым выше Домом Игеля эти здания еще в 2008-м были переданы для реконструкции под гостиницу одной из самых влиятельных в Петербурге строительных компаний, но та в итоге отказалась от проекта и вернула городу изрядно обещавшие за эти годы памятники.

Чтоб сказку сделать былью

По словам председателя КИО Александра Семчукова, по объектам программы будут заключаться договора на льготное обеспечение электроэнергией, водой и прочая. Неплохое подспорье. Но следует учитывать, что изначально аренда может обойтись в весьма существенную сумму. В столице, например, как рассказала сотрудник Москомнаследия Юлия Логинова, в среднем на каждый объект претендовало шесть-семь заявителей, стартовая цена повышалась в 11 раз, а на последнем аукционе подскочила аж в 130. Такой интерес можно объяснить еще и тем, что в Москве к отбору объектов подходили, похоже, более вдумчиво — в основном в программу включались относительно небольшие по площади здания без «архитектурных излишеств» или каких-то затейливых интерьеров, с весьма привлекательным местоположением. Например, особняк на Большой Полянке (285 кв. м) ушел с годовой арендной ставкой свыше 22 млн, в Волковском переулке (660 кв. м) — 11 млн, на Пречистенке (960 кв. м) — 87 млн с лишним, а выполненный из чугуна и дерева симпатичный остановочный трамвайный павильон начала прошлого века (39 кв. м) — 3,7 млн, при вчетверо меньшей стартовой цене, арендатор намерен использовать его под магазин.

«Программа «Аренда за рубль» касается объектов в неудовлетворительном состоянии, затраты на восстановление которых настолько существенны, что ни бюджету, ни инвесторам в обычном порядке это не интересно. В целом

идея этой программы — именно спасение памятников в ситуации, когда никто не хочет в них вкладывать, — заключает Дмитрий Некрестьянов. — С учетом того, что все работы на таких объектах регулируются федеральным законом № 73-ФЗ, вопросы их предоставления скорее носят процедурный характер и призваны повысить привлекательность таких проектов, не более. На мой взгляд, пять лет — очень маленький срок для работ по восстановлению, с учетом состояния этих объектов и процедуры, которую требуется соблюсти для получения разрешительной документации. Из предложенных к включению в петербургский список объектов некоторые весьма интересны своей локацией, но любой бизнес будет учитывать их состояние и необходимые затраты и очень тщательно считать экономику, именно она и определит спрос. Чтобы программа стала привлекательной, городу было бы правильно по каждому объекту провести историко-культурную экспертизу по установлению предметов охраны (что именно не подлежит изменению и должно быть восстановлено) и подготовить хотя бы укрупненные сметы затрат на реставрацию, а также сделать эти результаты общедоступными до объявления аукционов — тогда, мне кажется, участвовать в них будут реальные инвесторы, оценившие свои возможности».

Обсуждаемая программа, напомним, касается только тех памятников, что состоят в казне Санкт-Петербурга. Те, что находятся в федеральной собственности, также могут быть предоставлены в аренду на льготных условиях в рамках аналогичной программы, запущенной подведомственным Минкульту Агентством по управлению и использованию памятников. В нее, в частности, попали форты Кронштадта, один уже ушел с молотка.

О том, как работает федеральная программа, и какие проблемы обнажил первый для нас аукцион, «Новая» расскажет в следующем материале рубрики «Культурное наследие как ресурс развития Петербурга».

Татьяна ЛИХАНОВА

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга.

Дом Степанова на ул. Константина Заслонова, 8

Дмитрий БЫКОВ

Гамбургский счет

Меланья Трамп пыталась прервать затянувшуюся встречу лидеров России и США. Ей это не удалось, рассказал госсекретарь Рекс Тиллерсон.

По его словам, президенты двух стран быстро достигли хорошего взаимопонимания, между ними возникла «положительная химия».

Reuters

Сцена изображает коридор Конгресс-центра в Гамбурге. Перед дверью № 14 стоит Меланья Трамп.

МЕЛАНЬЯ (обращаясь к двери): Послушай, Дональд, это моветон. Ты будешь, так сказать, неверно понят. Пускай всегда опаздывает он, но мы же не опаздываем, Дональд! Вы задержались больше чем на час. Ты не Орнелла Мути*. Будет поздно. Есть лидеры на встрече, кроме вас...

ГОЛОС ТРАМПА (из-за двери): Пойми, Меланья, это грандиозно! Мы оба ждали этой встречи, но... Но это превосходит ожидания!

МЕЛАНЬЯ: — Вся пресса дожидается давно...

ГОЛОС ТРАМПА (возбужденно): Что пресса нам! Пойми, пойми, Меланья! Я разогнал бы их в один пинок, как сделал он. И мы бы так сумели. Он тоже очень, очень одинок, совсем как я. Враги повсюду, Мелли! Все эти генераторы вранья, банкирские круги, что ими правят... Его травила пресса, как меня. Он их заткнул, но все равно же — травят! Все заговор, все бильдербергский клуб. Я чувствую их тайные желанья! Он мне открыл, он далеко не глуп...

ГОЛОС ТИЛЛЕРСОНА (за дверью): У них такая химия, Меланья!

МЕЛАНЬЯ: Но это неприлично! Слушай, Рекс...

ГОЛОС ТРАМПА (раздраженно): Какая неуступчивость баранья! Вы женщины, и вам бы только секс, но дружба выше секса, слышь, Меланья! Вы, женщины, что можете понять? Высокая любовь не в вашем вкусе. Оно, конечно, ты жена и мать, но

* Орнелла Мути получила штраф от театра за опоздание на спектакль из-за ужина с Владимиром Путиным.

ваша суть известна: grab the pussy! Он правит вечно. Он как фараон. И кстати, эти русские медведи — ребята с мозгом: если бы не он, ты б, может быть, не стала первой леди! Я это понял в первые же дни, читая сетевые мегасрачи...

ГОЛОС ТИЛЛЕРСОНА: Он говорит, что это не они, но контрразведка думает иначе. А он сказал, что мы тогда несем ответственность за пасмурное лето...

МЕЛАНЬЯ (потрясенно): О чем вы там?!

ГОЛОС ТРАМПА: О Минске. Обо всем. О Сирии... Но важно же не это! У нас в Конгрессе, сколько ни корми, способны лишь на мелочное скотство. Он первый после Бэннона, пойми, с кем ощущаю я такое сходство! Вон, говорят, он выстроил тюрьму, а я не верю этой пропаганде. Я первый, кто понравился ему — быть может, со времен Махатмы Ганди. У них там есть серьезные умы. Он безусловный лидер сверхдержавы.

ГОЛОС ТИЛЛЕРСОНА: И, может быть, неправы были мы, а кое в чем они, напротив, правы!

МЕЛАНЬЯ (в бешенстве): А что он сам молчит? Он что, немой? Чем он таким там занят, интересно?

ГОЛОС ПУТИНА: Меланья, это уровень не мой. У вас неконструктивная повестка.

ТРАМП (торжествующе): Ты слышала? Какой прекрасный знак! Смиряться, самомнение припрятывай. Теперь со всеми вами буду так!

МЕЛАНЬЯ (все поняв): Да, милый. Нет тебя — не будет Штатов.

Занавес.

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Редакторы номера:
Р. Дубов, А. Полухин

www.novayagazeta.spb.ru

www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете:
NovayaGazeta.Ru

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия: Роман АНИН (редактор отдела расследований — «отдел Ю. Щекочихина»), Ольга БОБРОВА (зам главного редактора), Руслан ДУБОВ (зам шеф-редактора, ответственный секретарь), Сергей КОЖЕУРОВ (первый зам главного редактора), Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора), Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора), Лариса МАЛЮКОВА, Кирилл МАРТЫНОВ (редактор отдела политики и экономики), Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции), Алексей ПОЛУХИН (шеф-редактор), Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора), Юрий РОСТ (обозреватель), Петр САРУХАНОВ (главный художник), Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора), Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры), Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора, омбудсмен редакции)

Обозреватели и специальные корреспонденты:

Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН, Борис БРОНШТЕЙН, Борис ВИШНЕВСКИЙ, Ирина ГОРДИЕНКО, Эльвира ГОРЮХИНА, Елена ДЬЯКОВА, Зоя ЕРОШОК, Вячеслав ИЗМАЙЛОВ, Павел КАНЫГИН, Елена КОСТЮЧЕНКО, Елена МАСЮК, Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН, Леонид НИКИТИНСКИЙ, Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, Юлия ПОЛУХИНА, Елена РАЧЕВА, Андрей СУХОТИН, Алексей ТАРАСОВ, Марина ТОКАРЕВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР, Олег ХЛЕБНИКОВ, Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА

Ведущие рубрик: Евгений БУНИМОВИЧ, Дмитрий БЫКОВ, Александр ГЕНИС, Павел ГУТИОНТОВ, Юлия ЛАТЫНИНА, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Ким СМЕРНОВ, Слава ТАРОЩИНА, Артемий ТРОИЦКИЙ

Руководители направлений: Лариса МАЛЮКОВА (кино), Елена МИЛАШИНА (специальные проекты — «отдел И. Домникова»), Владимир МОЗГОВОЙ (спорт), Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба)

Собственные корреспонденты: Надежда АНДРЕЕВА (Саратов), Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск), Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии и Северной Европы), Иван ЖИЛИН (Крым), Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург), Александр МИНЕЕВ (Брюссель), Ольга МУСАФИРОВА (Киев)

Александр ПАНОВ (Вашингтон), Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург), Юрий САФРОНОВ (Париж), Наталья ФОМИНА (Самара), Ирина ХАЛИП (Минск), Александр ЧУРСИН (Балканы)

Отдел мультимедиа «Новая студия»: Анна АРТЕМЬЕВА, Влад ДОКШИН, Виктория ОДИССОНОВА

Группа выпуска: Юрий КОЗЫРЕВ (директор фотослужбы), Анна ЖАВОРОНKOVA, Алексей КОМАРОВ, Татьяна ПЛОТНИКОВА (бухгалтерия), Наталья ЗЫКОВА (персонал), Анжелика ПОЛЯКОВА (реклама), Ярослав КОЖЕУРОВ (юридическая служба), Валерий ШИРЯЕВ, Вероника ЦОЦКО (технические редакторы, дизайн, макет)

WEB-редакция: Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор), Сергей ЛИПСКИЙ, Юлия МИНЕЕВА (заместители), Анна ИГНАТЕНКО, Глеб ЛИМАНСКИЙ

ДИРЕКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (генеральный директор), Владимир ГРИБКОВ (заместитель генерального директора), Михаил ЗАЙЦЕВ (распространение), Владимир ВАНЯЙКИН (управление делами), Ирина ДРАНKOVA (бухгалтерия), Наталья ЗЫКОВА (персонал), Анжелика ПОЛЯКОВА (реклама), Ярослав КОЖЕУРОВ (юридическая служба), Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора), Сталина УСПЕНСКАЯ (директор по уюту)

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: ООО «МЕДИА.С-ПБ»

СПб, 11-я линия, 66

Д.Л. КАЧАЛОВА (редактор)

199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66.

ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

84804

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — 222 250 экз.

Тираж сертифицирован Novayagazeta.Ru — 8 240 000 просмотров за июнь 2017 г. Тираж одного номера в СПб — 4520 экз.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2017 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не возвращаются и не рецензируются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное.

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63. Цена свободная. Срок подписания в печать по графику: 23:30, 08.07.2017. Номер подписан: 23:30, 08.07.2017. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00, 09.07.2017. Уважаемые читатели! Просим все корреспонденции присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».